

КОСТЁР

ISSN 0130-2574

1

ЯНВАРЬ 1985

КОСТЁР

1
ЯНВАРЬ
1985

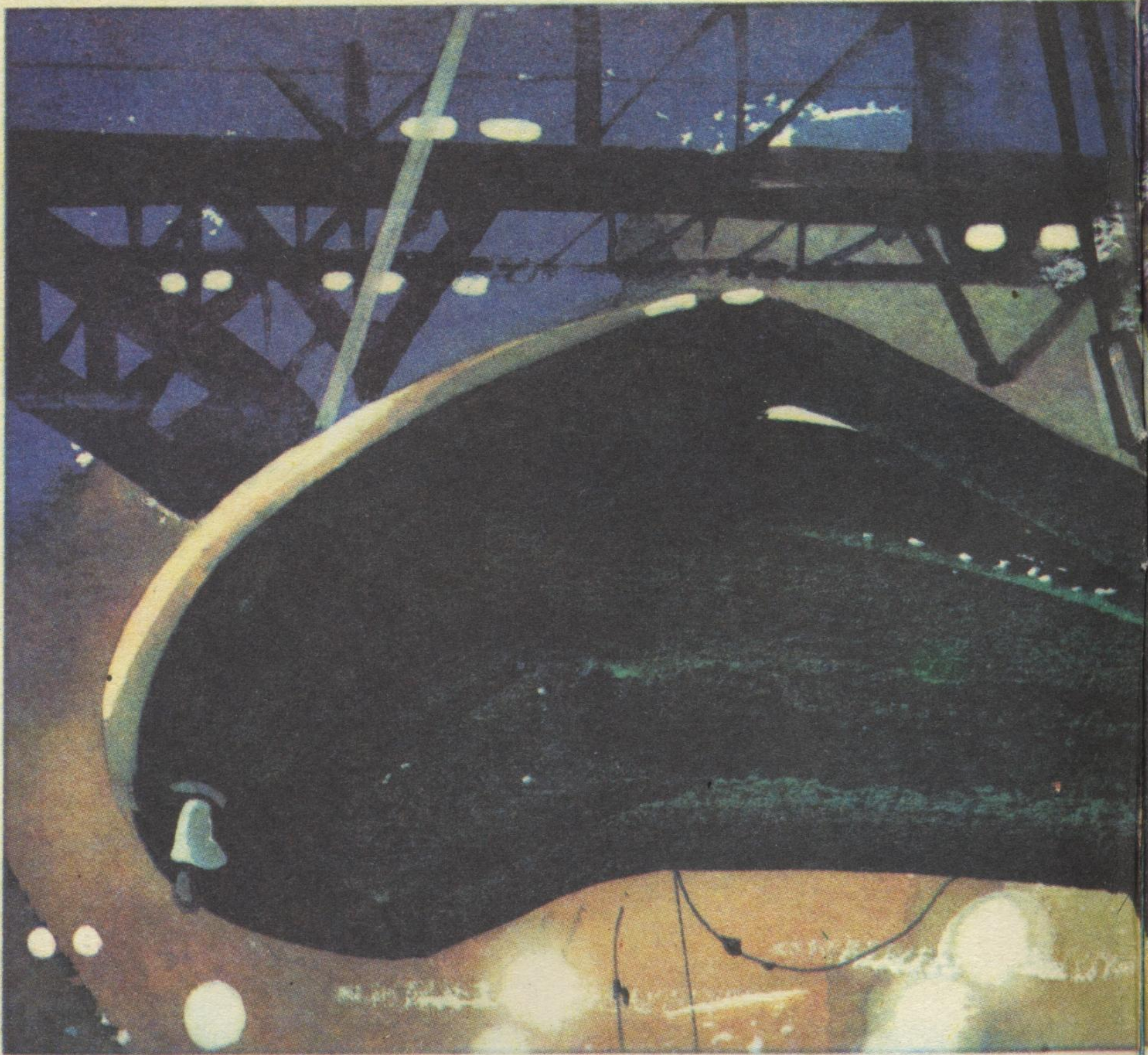
Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© «Костер», 1985 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Чтобы по труду — только «отлично!» В. Чичеров	1
Помощь идет! повесть К. Логунова	3
Пятилетка в красном галстуке репортаж Д. Лаздана	8
Барaban	10
Опасный переход очерк Г. Усыскина	14
Салют, Победа!	17
Потомок Джима рассказ Ф. Абрамова	18
Мир, в котором мы живем	21
Испытание дружбой С. Махотин	22
Фестиваль в «Зеркальном» К. Борисов	24
Академия морской гвардии заметка В. Терешкина	26
Стихи твоих ровесников	27
За дверью рассказ А. Ефремова	28
Зеленые страницы	32
Как нарисовать февраль! рассказ К. Васильева	34
Песня-борец В. Суслов	38
Туркменская сказка	40
Школа будущих командиров	42
Веселый звонок	44
Арчбек	46
Спортклуб «Кузнечик»	47

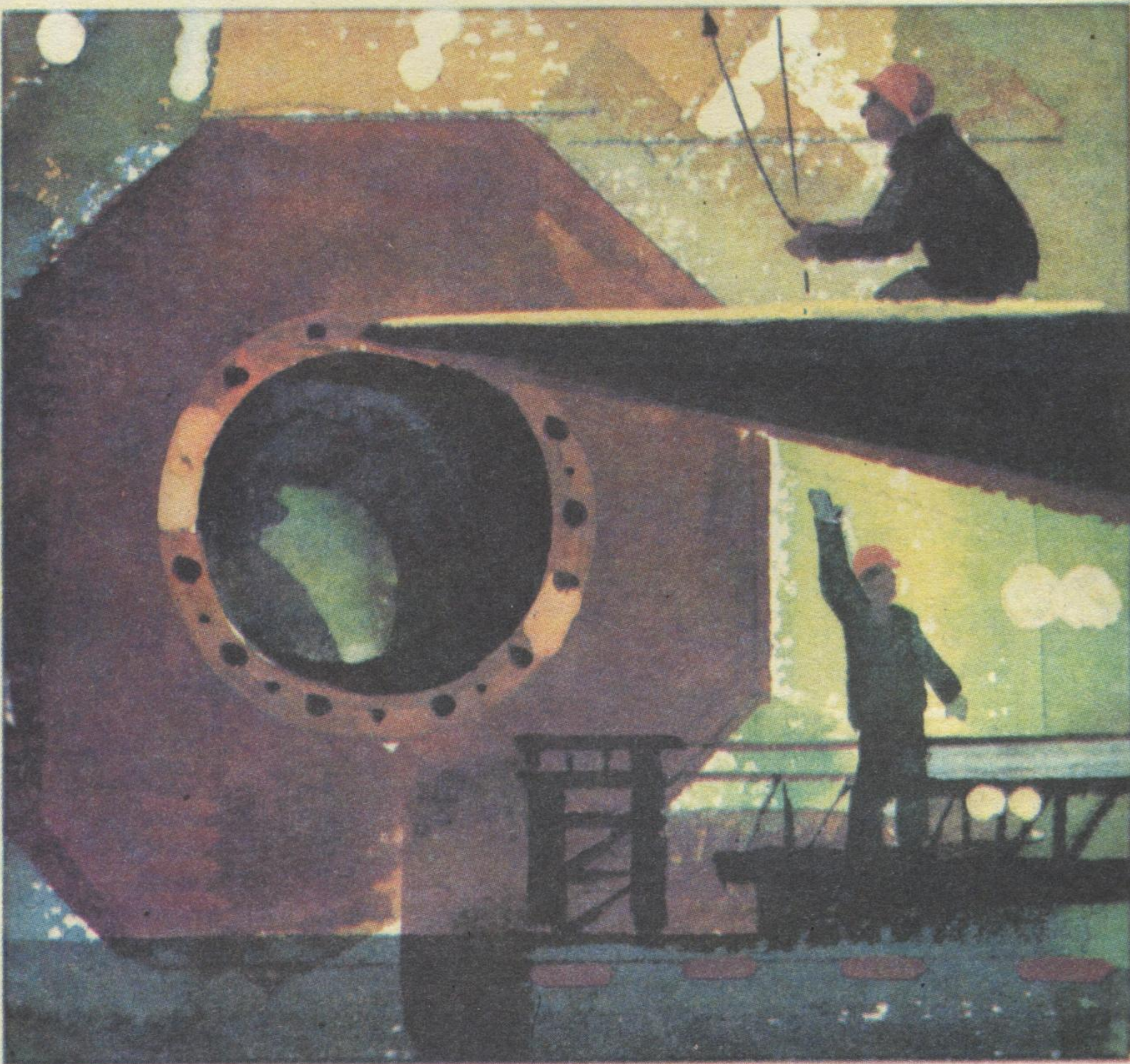
На обложке рисунок В. Лебедева
к рассказу Ф. Абрамова
«Потомок Джима».

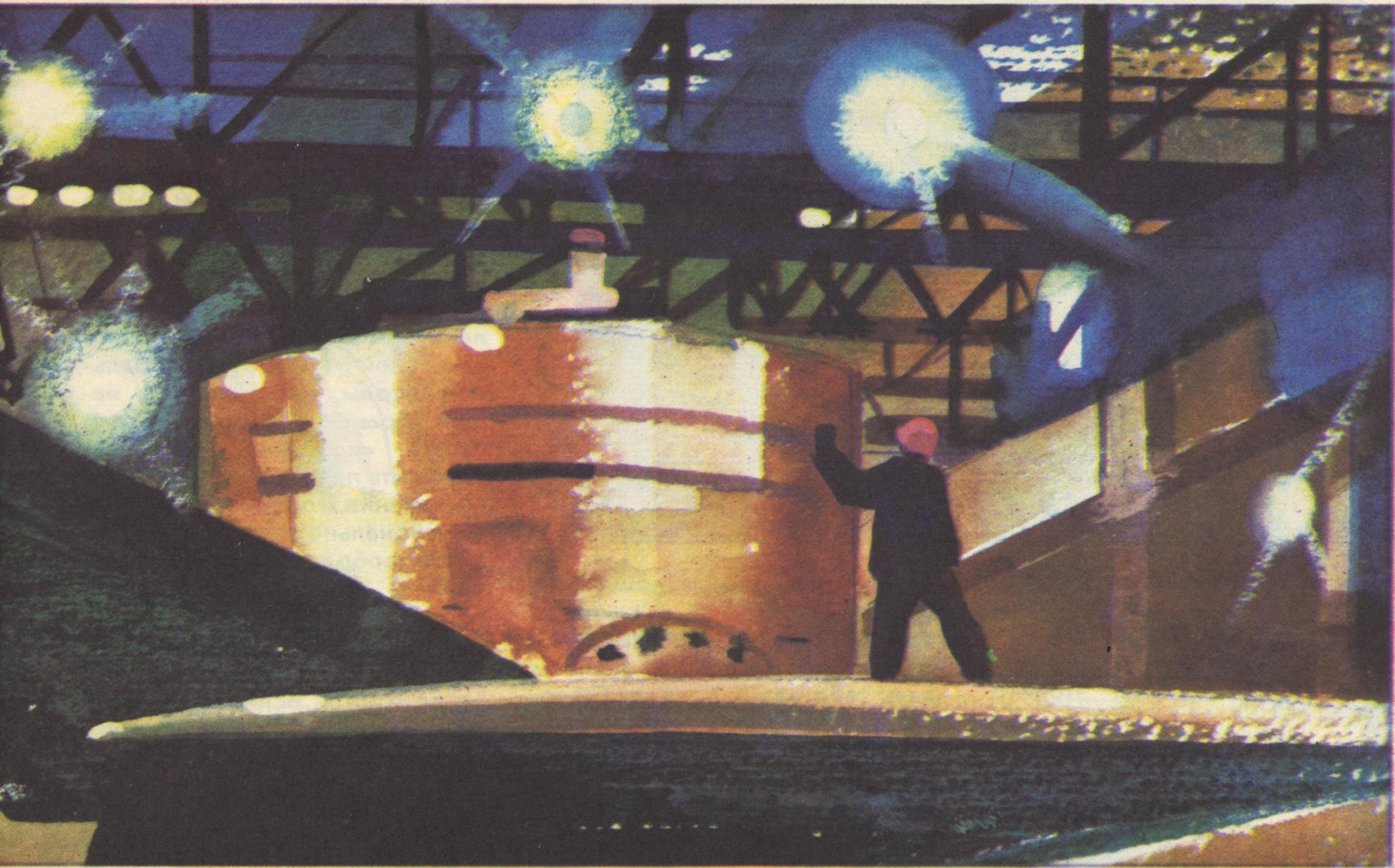

РАВНЕНИЕ
НА ГЕРОЕВ ТРУДА

ЧТОБЫ ПО

В. ЧИЧЕРОВ,

ТРУДУ — ТОЛЬКО „ОТЛИЧНО“!

бригадир слесарей-сборщиков, дважды Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР

Лично я уважаю тех, кто любит свое дело и делает его на совесть. Важно, чтобы труд его шел на пользу всем.

В Башкирии, куда эвакуировали из Ленинграда нашу семью во время войны, мне вместо учебы пришлось помогать родителям: сначала работал подручным в кузнице, где стал трудиться отец, а когда его отозвали в Ленинград, — в колхозной бригаде.

Сейчас некоторые родители изо всех сил стараются, чтобы только «протолкнуть» сына или дочку в институт, определить на «хорошую» должность. И если удастся — считают, что выполнили родительский долг.

А мне вспоминается вечер в далекой Башкирии. Мне одиннадцать лет. Мать — председатель колхоза — за столом перебирает «бумаги»... Стук в дверь, входит бригадир, крепкий и жилистый, в косovorот-

ке, один рукав заправлен за пояс: «Выручай, Павловна! Нет людей, хоть ты плачь. Мне бы парнишку какого!»

Не отрываясь от дела, мать кивает на меня: «Вот, возьми Володьку...»

Тот и растерялся, и обрадовался: «Справный хлопец!..» И уже ко мне: «Утром и пойдём».

В те годы многие подростки в полной мере поняли, что такое крестьянский труд. Помню, и лошадь запрягал, и за плугом «вприпляску» волочился: не удержать было, силенок не доставало. И все-таки делал, трудился — надо было.

Кончилась война, получили вызов от отца: возвращайтесь! Только собрались — телеграмма, умер отец. Померкла радость возвращения, а деваться некуда... Приехали, стал в школе учиться, а тут новый удар — мать скончалась. Сестры мои —

Соня и Галя — на правах старших в доме собрали совет, решили, что пойду я в ремесленное училище. И я пошел, в РУ-35, на слесаря.

Мечтал ли я идти по стопам отца, бывшего до войны слесарем? Честно говоря — нет, хотя на руки отца, трудовые, тяжелые, смотрел всегда с уважением. Даже завидовал их умелости, но мечтал о другом...

Итак, «ремеслуха», как выражались пацаны. Но если нельзя было «взлететь», то можно было приподняться, отличиться. И я старался. Вышел из училища с пятым разрядом (другие — с четвертым и даже с третьим). Были радость и гордость: вот как мы можем!

Бригадир слесарей Ленинградского Металлического завода, куда я пришел работать, заметил мою «петушиность».

— Значит, пятый разряд, говоришь?

— Пятый!

— Ну-ка, смотри сюда (подсунул мне чертеж), это — в какой проекции? Так, а это? А теперь возьми карандашик, изобрази-ка в разрезе.

Я что-то царапал, чиркал и чувствовал, как уши начинают гореть. И тогда бригадир (это был Сергей Иванович Бурмистров) сложил аккуратно чертеж и ровным голосом сказал: «Дадим тебе пока четвертый, а там видно будет. Не возражаешь?»

Я не посмел возразить, хотя, признаться, обиделся. Казалось — недооценили, не поняли. И даже злость появилась: ладно, я вам докажу!

Этого-то как раз и добивался бригадир — выявить, на что годен парнишка. Самолюбив — это хорошо, способен — докажет.

Примерно через полгода

Бурмистров сам подошел ко мне.

— Мы тут посоветовались в бригаде... Словом, решили дать тебе пятый разряд. Смотри, не подводи...

Это была одна из счастливейших минут в моей жизни — оценили, поняли, поверили. Значит — могу!

Мне повезло — лично причастен к развитию отечественной энергетики, собирал турбины для каскада волжских ГЭС, для Красноярской и Саяно-Шушенской гидроэлектростанций. Это передняя линия развития науки и техники.

Все, что я рассказал о себе, о своем приобщении к труду в детские годы, так или иначе касается целого поколения мальчишек и девчонок сороковых и даже пятидесятых годов. Вы мне скажете, время было такое — хочешь не хочешь, а приобщайся...

Спорить не приходится, вы,

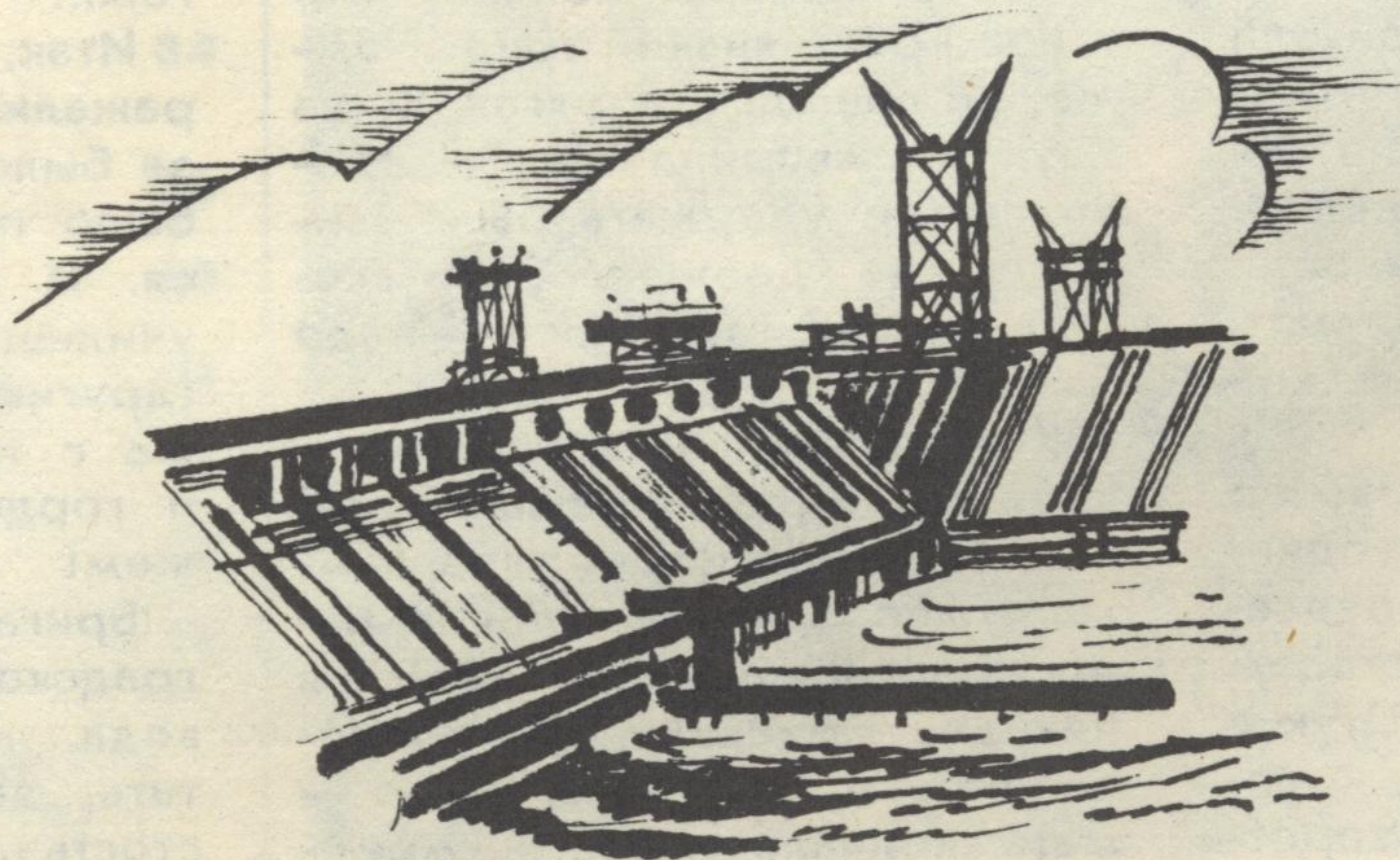
ребята, живете в другое время, и у вас нет нужды прежде всего заботиться о хлебе насущном. Это так, и это замечательно. Но правильно и то, что не хлебом единым жив человек. Точнее сказать, не только ради хлеба мы работаем. Есть восторг, упоение, удовлетворение от самого процесса работы.

Кстати, именно на это нацелена реформа общеобразовательной и профессиональной школы, проводимая в нашей стране. Речь идет о том, чтобы «коренным образом улучшить постановку трудового воспитания, обучения и профессиональной ориентации в общеобразовательной школе». А это можно сделать только за счет более тесной связи школы и производства. Нельзя что-то полюбить или не полюбить, если сам не увидел, не испытал, не ознакомился. Профессии — кузнец, токарь, слесарь — должны для вас наполниться жизнью, причем самой современной.

Кстати, насчет любви к профессии. Она редко рождается дома или за школьной партой. Чаще — в цехе, в процессе работы.

Что вы выберете для себя — какой путь, какую профессию, это покажет время, ваши склонности и способности. Но в любом случае надо помнить, что все лучшее на земле создается нашими руками, нашим трудом и умом. А лучшая профессия та, которая вам по плечу и по душе. Какая именно — покажет практика.

Записал В. ТРИФОНОВ
Рисунок А. Харшака

ПОМОЩЬ ИДЕТ!

К. ЛОГУНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Б. Аникина

ЕРЕМЕЙ

Бегут по небу облака. Белые. Серые. Бегут, как перепуганные олени. Наскакивают друг на друга. Сбиваются в стаю. Кружат над тайгой.

Еремей знает: это ветер гонит облака. Сильный верховой ветер. Вон как ветер гудит в верхушках кедров и сосен. Как тысяча тысяч рассерженных шмелей.

Качаются на ветру макушки колких елей. Качаются кроны исполинских сосен. Лишь богатыри-кедры не качаются, не гнутся: они никакому ветру не кланяются.

Привалился Еремей спиной к бревенчатой стене охотничьей избушки, смотрит на облака, слушает гул потревоженной ветром тайги и думает... «Скоро отец с дядей придут, принесут свежей рыбы, сварим уху...»

Еремею восемь лет. Он живет в маленьком таежном поселке Чехломей. Он умеет лодкой управлять. Может сети ставить. Из ружья стреляет, как настоящий охотник.

Чехломей — хантыйский поселок. Ханты — один из народов, издревле населяющих Север Сибири. Вот почему все ханты — замечательные охотники, рыбаки и бесстрашные таежники.

Еремей огляделся: вокруг потемнело. По небу теперь не легкие облака скользят, а медленно ползут мрачные тучи.

Сколько раз Еремей бывал один в тайге. Ночевал и в избушке, и в палатке, и под кедром на мягком мху. Никогда не боялся, а тут вдруг ему стало страшно.

Из тайги долетел собачий лай.

— Трам!.. Трам!.. — радостно закричал Еремей. Мальчик узнал голос своей собаки.

Трам ушел вместе с отцом и дядей. Значит, они возвращаются! Еремей кинулся было на голос Трам, да вдруг остановился. Что-то в собачьем лае насторожило мальчика. Пес лаял надрывно, с тягучим подвывом.

Еремей схватил ружье. Торопливо проверил: заряжено ли?

Тут из тайги вылетела желтая лайка. Жалобно скуля и повизгивая, метнулась под ноги Еремею.

— Что случилось, Трам? Почему один?

Трам несколько раз обежал вокруг Еремея и снова понесся в тайгу. Еремей побежал за собакой.

ОТЕЦ

Шипастый боярышник цеплялся за одежду. Колючие елки больно хлестали по лицу. Под ноги лезли корневища, валежни, сучки. А Еремей бежал и бежал за Трам.

Под огромным раскидистым кедром лежал отец. Лицо известково-белое. Губы подернуты синевой.

— Папа! — пронзительно закричал Еремей. Схватил отца за плечи, заплакал жалобно:

— Папа!.. Папа!..

Отец медленно открыл глаза. Губы шевельнулись.

— Беда, сынок. Плохо мне. Совсем плохо. Болит здесь...

Прижал руку к животу. Зажмурился от боли. И застонал.

— Где дядя?

— Поплыл на лодке к геофизикам. У них рация. А я сюда... Шел... Полз... Ум-м...

Еремей уложил отца на ветви срубленной березки и потащил волоком. Избушка была недалеко. До нее всего метров двести. Но попробуй-ка с такой ношей пройти эти метры!

Трам бежал рядом с мальчиком, подбадривал лаем, а то вцеплялся зубами в березку, помогал тащить волокушу.

Еремей расстелил подле костра еловые лапы и уложил отца на эту подстилку. Подкинул сушняка в костер, заварил чай из брусничного листа и стал ждать, когда отец откроет глаза.

Скрипуче каркнул ворон. Совсем близко тоненько пропищал бурундук — маленький, верткий полосатый зверек с длинным пушистым хвостом.

Надрывно закричали ронжи, наверное, подрались из-за кедровой шишки.

Тяжелели, чернели, снижались тучи. Мрачнела тайга, обступившая поляну с охотничьей избушкой. Где-то далеко бумкнул гром.

— Пи-и-и-ть...

Отец жадно отпил несколько глотков горячего брусничного настоя.

Угрюмую чернь неба рассекла ослепительно яркая белая полоса. Начиналась гроза.

Сердито ропчущая тайга. Предгрозовое угрюмое небо. Метающийся в жару отец. Жалобно поскуливающий Трам... Все это тревожило, угнетало мальчика, и он не находил себе места.

Вдруг Трам умолк. Вскочил. Навострил уши. Вздрыбил на холке шерсть. Присмотревшись, Еремей тоже насторожился и вскоре услышал отдаленное тарахтенье «та-та-тат-та-та...»

— Вертолет! — закричал Еремей. — Ты слышишь, папа? Сюда летит вертолет!

ВЕРТОЛЕТЧИК КУРАШОВ

Да, это был вертолет. Маленький. Голубой. Перепоясанный широкой красной лентой. Он летел низко, едва не задевая верхушки сосен. Вот вертолет завис над поляной. Еремей вскочил, замахал руками, закричал. Голубой вертолет стал снижаться.

Вместе с вертолетчиком прилетел врач.

— Нужна немедленная операция, — сказал врач, осмотрев отца.

Вертолетчик и врач подхватили отца на руки.

— А я куда? — испуганно спросил Еремей.

— Здесь больше никого? — поинтересовался врач.

— Никого, — ответил Еремей.

— Полежай в вертолет, — сказал вертолетчик.

— А Трам?

— Пес твой? Давайте вместе...

Внутри голубой вертолет оказался зеленовато-серым. Все вокруг было железным: стены, пол, потолок.

Отца уложили на маленький диванчик за креслами вертолетчика и врача. Еремей устроился на каком-то ящике. Трам рядом. Еремей не спускал глаз с отца. Отец за весь перелет не проронил ни слова.

Приземлился вертолет. Пришли санитары и унесли отца из вертолета. Сказали: в больницу. Еремею в больницу не пустили.

— Ну, что же, — задумчиво проговорил вертолетчик, приглядываясь к растерянному, понурому мальчику. — Меня зовут Владимир Александрович. Дядя Володя, значит. А тебя?

— Еремей.

— Переночуешь у меня. Завтра отправлю тебя в Чехломей. К маме...

— У меня нет мамы.

— Н-ну... к бабушке.

— И бабушки нет... Я останусь здесь. Вдруг папа... папе...

Дядя Володя обнял мальчугана за плечи, крепко прижал к себе и, ласково поглаживая по голове, сказал:

— А плакать, брат, ни к чему. Плакать — это последнее дело. Вылечат твоего отца. Вот увидишь. Из Тюмени прилетел знаменитый хирург Михаил Петрович Кириленко. Сделает он операцию, и станет твой отец здоровей прежнего... Вытри слезы. Ты же мужчина, да еще таежный охотник...

— Я не хочу домой. Я буду с папой...

— Правильно, — неожиданно поддержал дядя Володя. — Нельзя покидать отца в беде... Давай так... Поживешь пока у меня, в балке. Там нас трое вертолетчиков, а койки четыре. Четвертая будет твоя. Согласен?

— А Трам?

— Где ты, там и Трам. Только уговор: не хныкать и беспрекословно выполнять приказы. По рукам?

И протянул ладонью вверх большую сильную руку.

На тюменском севере временное жилище называют балок. Вагончик, самодельная хибара и даже землянка — все балок.

Вертолетчики жили в балках-бочках. Бочками их прозвали потому, что они на самом деле походили на длинные цистерны, в которых возят керосин, бензин, молоко и воду. Только эти цистерны не на железнодорожных платформах и не на автоприцепах, а на земле. И были у тех «бочек» окна и двери.

Внутри «бочка» была вовсе не круглой. В ней разместились кухня с газовой плитой и обеденным столиком и комната, в которой стояли четыре кровати.

— Вот эта кровать, — показал дядя Володя, — будет твоя. Сейчас поужинаем и спать. А Трам постели здесь, у порога...

«РОМАШКА, РОМАШКА! Я — ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ТРИДЦАТЬ ДВА!»

— Ты оставайся, — сказал на следующее утро дядя Володя. — Я полетел. Срочное задание. У геофизиков связистка пропала. Ушла по ягоды и не вернулась. Будем искать...

— Возьмите меня с собой. Я знаю какой зоркий. Я же охотник...

Еремей просил так настойчиво, что дядя Володя в конце концов уступил.

Полетели в том памятном голубом вертолете. Еремей сидел в кресле, рядом с дядей Володей. Перед ними — стекло. И над головой стеклянный колпак. Куда ни повернись — все вокруг видно.

Дядя Володя щелкнул каким-то рычажком, и на приборном щитке загорелись лампочки, ожили стрелки под квадратными и круглыми стеклышками. Еще пощелкал рычажками дядя Володя, и лопасти винта над головой стронулись и пошли по кругу. Сперва медленно, медленно, как бы через силу. Потом разогнались, набрали скорость

и так понеслись, что их и не видно стало. Вместо четырех большущих стремительно летящих лопастей образовался полупрозрачный круг.

Вертолет оторвался от земли. Поплыл, отдаляясь, вертодром. Люди, которые сновали возле вертолетов, показались Еремею неправдоподобно маленькими, неуклюжими и смешными.

И вот она — тайга. Никогда прежде Еремей не видел тайги вот так, с высоты. Густые темно-зеленые кедровые гривы уступали место сосновым борам. Непроходимые чащобы переходили в чахлое мелколесье. Мелколесье редело, редело и становилось огромной болотной пустошью.

Когда пролетали над большим круглым озером, дядя Володя громко и отчетливо проговорил:

— Ромашка!.. Ромашка!.. Я — четырнадцать тридцать два. Прошел Черное озеро. Высота сто. Скорость девяносто. Пропающую не обнаружил. Продолжаю поиск. Беру курс на Охтурку.

— Лось! — воскликнул Еремей. — Смотрите! Волки гонят лося!

По лесной опушке, вдоль озера, пять волков гнали лося с лосенком. Наверное, лося убежала бы от волков, но лосенок уже выбился из сил, то и дело отставал, и лося замедляла бег, отбиваясь от волков копытами. Волчьи когти и клыки оставили кровавые отметины на лосихе.

— Помогите, дядя Володя!

— Придется...

Волки окружили выбившуюся из сил лосиху. Лосенок прижался к матери и затих. Еще миг...

Голубой вертолет круто пошел на снижение. Грохочущая крылатая машина камнем падала на головы волков. Те разом отпрянули от лосихи и кинулись в тайгу.

Подталкивая изнемогшего малыша, лосиха спустилась к озеру. Вот они вошли в воду и медленно поплыли на противоположный берег.

Три часа летали Еремей с дядей Володей над тайгой. Видели медведицу с двумя медвежатами. Медвежата учились ловить рыбу. Видели шишковую белку. Рыжую. Ушастую. Она сидела на верхушке кедра и, зажав передними лапами шишку, проворно вынимала из нее орешки. Спугнули пригревшуюся на солнышке косматую росомаху.

— Костер!— крикнул Еремей.

— Вижу,— откликнулся дядя Володя.

Вертолет стал снижаться. Человек, сидящий у костра, вскочил, призывно замахал руками, что-то закричал.

Они приземлились на крохотной таежной полянке. К вертолету подбежала женщина. Это и была пропавшая связистка.

— Заблудилась,— смущенно призналась женщина.— Привыкла ходить по компасу, а компас разбился. Вот и...

Когда голубой вертолет взлетел и набрал высоту, дядя Володя доложил диспетчеру:

— Ромашка!.. Ромашка!.. Я — четырнадцать тридцать два. Нашел. Взял на борт. Возвращаюсь на базу...

ЭТО Я, ПАПА!

Каждый день Еремея начинался с того, что он бежал в больничную рощу, взбирался на высокую завалинку больничного домика, подтягивался на руках и висел, разговаривая с отцом в приоткрытое окно. Отцу вставать врачам не разрешали. Но окно возле его кровати всегда было приоткрыто: отец ждал сына.

— Это я, папа!

— Слышу, сынок, говори!

— Папа, тебе лучше?

— Лучше, сынок! А как твои дела?

— Вчера мы летали с дядей Володей...

Больше отца не было слышно. Говорил Еремей. Про тайгу, которую он увидел такой, какой ее видят птицы. Про лосенка, про конструктора вертолетов Михаила Леонтьевича Миля, про волков, про нефтяников, про поросят. Отец слушал сына и улыбался. Хорошо, что Еремей попал в руки к такому замечательному человеку, как Володя Курашов, известный на весь район вертолетчик.

Когда запас новостей у Еремея иссякал, он спрашивал отца:

— Ты все расслышал, папа?

— Конечно, сынок.

— Ну, я пошел, папа! Мы с дядей Володей сегодня летим...

— Счастливо, сынок!

— Я завтра приду, папа!

Мальчик спрыгивал с завалинки, радостно вдыхал упругий утренний воздух. Веселыми глазами глядел на желтеющие березы, на усталые опавшим листом дорожки больничной рощи, на синее небо, розовеющее в лучах только-только проснувшегося солнышка. Впереди был длинный день. Рокот мотора. Шум лопастей. Счастливый миг взлета. Вверх! Вверх! К птицам!

ОСТРОВИТЯНЕ

Летели на север.

Сперва под вертолетом зеленела тайга. Потом лес поредел. Пошли островки чахлах осин, потом и они пропали. Болото.

Шишкастая кровля болот была темно-бурой, как шкура старого медведя. Давно полегли и увяли болотные травы. Лишь кое-где, на огромных кочках, кустилась, топорщась, зеленая осока. Между кочками тускло посверкивала маслянисто-коричневая вода, зеленью отливали затянутые илом «окна» — страшная ловушка для всего живого. Стоит оленю, лосю или человеку ступить в это «окно» и — конец. Засосет, затянет тряпина...

Зимой болота промерзают, на них строят временные дороги — зимники. А сейчас по этим болотам ни пройти, ни проехать...

— А вон и остров нефтяников!

Сперва Еремей увидел только темное пятно. Приближаясь, оно увеличивалось, и вот уже стала видна буровая вышка, над которой клубился пар. Рядом с вышкой — вагончики. Из длинной трубы тянулась струя густого черного дыма.

— Котельная дымит,— сказал дядя Володя.

МИ-8 мягко опустился на бревенчатый плотик. Буровики принялись разгружать вертолет.

Возле буровой вышки на специальных стеллажах лежали длинные и тонкие буровые трубы. Под брезентовым навесом громоздились мешки с глиной и цементом.

— Все это привезли сюда тоже на вертолете?— спросил Еремей.

— На чем же еще?— ответил подошедший к ним буровой мастер.— И вышку вертолет притащил.

Вертолет разгрузили. Теперь его заполнили буровики, которые отработали здесь две недели и летели в поселок на отдых.

— До свиданья, старина,— сказал буровой мастер, любовно поглаживая холодный бок вертолета.— Без вас нефтяникам здесь ни жить, ни работать...

ДИСПЕТЧЕР, КАК СЛЫШИТЕ?

Сквозь сон Еремей слышал какие-то голоса, топот, стук. Утром на кухонном столике нашел записку: «Улетел по срочному заданию. К вечеру вернусь. Дядя Володя».

Еремей уже знал, что если надо выяснить о вертолете или вертолетчике — иди в диспетчерскую.

Бородатый, в больших, чуть затемненных очках, диспетчер встретил мальчика приветливо:

— А-а, сынок! Проходи. Садись.

Тут в вагончике зазвучал негромкий голос:

— Ромашка!.. Ромашка!.. Я — три тройки. Бульдозер геологам доставил. Загрузил два тракторных двигателя на ремонт. Лечу в Сургут.

Пока Еремей сообразил, что это докладывает командир вертолета под номером 333, снова послышался голос:

— Ромашка... Ромашка... Докладывает двадцать семь одиннадцать. Рыбу от рыбаков принял. Лечу в Ханты-Мансийск...

— Говорит четыреста двадцать девятый. Монтаж опоры закончил. Возвращаюсь на базу.

— Видишь, как наши вертолетчики работают?— Диспетчер заносил в вахтенный журнал рапорт четыреста двадцать девятого.

— Где дядя Володя?

— Увез ночной десант.— Бородач раскурил длинную трубку.— Пожар в тайге, малыш. Дядя Володя повез туда пожарников. Не волнуйся. Только что докладывал. Долетел. Высадил. Возвращается на базу.

Еремей вырос в тайге и знал, что такое таежный пожар. Валом катит по тайге лавина огня. Пламя пожирает все живое: деревья, травы, птиц и зверей. Волк бежит рядом с зайцем, медведь рядом с козой. Жалобно кричат оставшие детиныши. Падают в исполинский костер задетые пламенем птицы.

Маленький Еремей знал, что такое таежный пожар, потому и молчал так долго.

— Диспетчер!..— послышался голос.— Диспетчер!.. Вы меня слышите? Прием...

Бородач схватил микрофон.

— Слышу. Прием...

— Свяжитесь с десантом. Передайте. По Хвойной протоке к ним пошел катер-водомер. В случае крайней нужды пусть отступают к этой протоке. Прием...

— Понял вас,— ответил диспетчер.

Над вертодромом грохотали вертолеты. Голубые, зеленые, красные, оранжевые МИ взлетали и садились. В далекие, глухие, безлюдные уголки тайги и тундры они везли топографов и геофизиков, буровиков и строителей. Везли продукты и машины, запасные части к ним и строительные материалы. Они искали заблудившихся, помогали заболевшим и попавшим в беду...

Еремей стоял подле вагончика диспетчера. Слушал вертолетную переключку. Следил взглядом за взмывающими вверх и садящимися МИ. И думал: «Вырасту — стану вертолетчиком».

НА ТРАССЕ

— Завтра поработаем на трассе,— сказал дядя Володя.— Надо помочь трассовикам. Полетим к Дидуку.

— Кто это?

— Дидук — бригадир трубостроителей.

— Что же он летом на трассе делает?
— Решил Дидук в этом году начать строительство газопровода, не дожидаясь зимы. Еще зимой выбрал сухой участок на будущей трассе, завез туда всю технику. Построил поселочек. А труб не было тогда. Теперь они есть, а как подвезти? Вот и надо ему помочь...

Вот это была труба так труба! Еремей входил в нее, не наклоняя головы и не сутулясь. Длина трубы одиннадцать метров, а весит она почти восемь тонн. Восемь тысяч килограммов. А им надо было перевезти сто таких труб.

Когда вертолет низко-низко завис над площадкой, где лежали трубы, в днище вертолета открылось оконце. В оконце выскользнул стальной трос с когтями. Когти сцапали трубу, и вертолет стал подниматься.

На трассе их ждал Иван Иванович Дидук с товарищами. Они показали, куда класть трубу. А дядя Володя с Еремеем полетели за другой. И так весь день. Туда-сюда. Туда-сюда.

И вагончики, и тракторы-трубоукладчики, и электростанцию, и трубы — все привезли сюда вертолеты.

Дохнул холодом близкий север. Сорвал последние листья с берез и осин, с тополей и черемух. Ветер трепал и раскачивал деревья, будто норвил выдернуть из земли.

Улетели в теплые края гуси и утки, лебеди и журавли. Опустели, стали свинцово-серыми, не приветливыми озера.

В осенней тайге стало сумеречно и тихо.

Начались занятия в школе. Дядя Володя определил Еремею в поселковую школу, купил ему ранец, книжки и тетрадки.

Каждый день Еремей забегал в больницу проведать отца. Отец поправлялся. Наконец, наступил радостный день. Отца выписали из больницы.

— Я вас привез,— сказал дядя Володя,— я вас и увезу. МИ-2 готов к полету. Через два часа будем в Чехломее.

А Еремей вдруг загрустил. Ему не хотелось расставаться с дядей Володей, с вертодромом, с вертолетчиками.

Пощелкал дядя Володя рычажками — ожили стрелки на приборном щитке. Ожили и затрепетали под круглыми, квадратными и овальными стеклами.

Опять пощелкал дядя Володя рычажками, и глухо заворчали двигатели. Медленно закрутились лопасти огромного винта. Быстрей! Еще быстрей!

Дядя Володя протянул Еремею наушник, и мальчик услышал голос диспетчера:

— До свиданья, Еремей! Счастливого пути! Учись! Возвращайся к нам! Будешь вертолетчиком!..

— Спасибо! — закричал Еремей.

— Гав-гав-гав! — весело пролаял Трам.

Неприметно оторвался голубой вертолет от земли, полого взмыл ввысь и взял курс на таежный хантыйский поселок Чехломей...

ИМЕНИ ЗАСЛОНОВА

Этот локомотив я увидел, подъезжая к станции Златоуст. Он тянул в гору огромный состав. Во весь зеленый борт локомотива шла надпись желтыми прямыми буквами: «Константин Заслонов». Откуда здесь, на Урале, электровоз с именем легендарного белорусского партизана?

В депо мне сказали, что локомотив подарила железнодорожникам дружина семьдесят седьмой школы.

«Ну что ж, интересно посмотреть на школу, которая делает такие подарки».

Школа стоит на улице Заслонова и носит его имя. Однажды во время сбора металлолома кто-то из ребят предложил:

— А почему бы не собирать металлолом на локомотив? И назвать его «Константин Заслонов»!?

Локомотив — это, конечно, не два-три сбора. Думали, что на это уйдет ну лет пять. Но вот прошел год, другой. Стали подсчитывать общий вес — а там уже больше двух третей. Последний год, конечно, работали по-ударному.

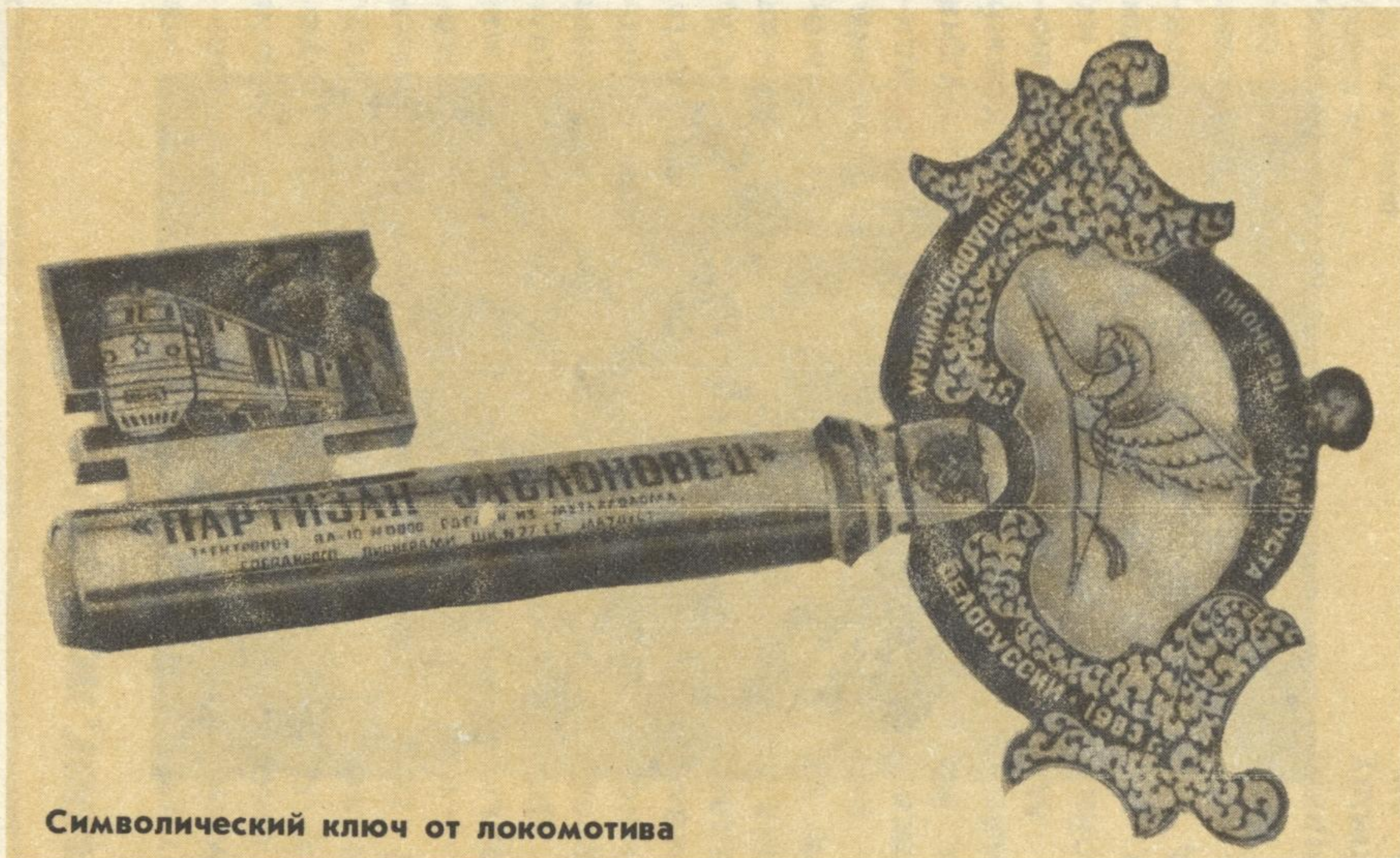
И вот с Новочеркасского завода пришла телеграмма: «Новый электровоз, собранный из вашего металлолома, отправляется в локомотивное депо станции Златоуст».

Встречали его всей школой. Собрались на станции, и наконец локомотив медленно, торжественно подъехал к перрону.

Принимала электровоз бригада Петра Трошина — одного из лучших машинистов дороги. И теперь работать на «Заслонове» доверяют лучшим бригадам.

С тех пор каждый год справляется день рождения локомотива. Утром вся дружина в парадной форме с развернутым знаменем приходит на станцию с цветами и подарками бригаде, которая работает на электровозе.

А сейчас уже целых три локомотива, собранные из металлолома семьдесят седьмой железнодорожной школы города Златоуста, работают на дорогах страны.

Символический ключ от локомотива

А еще я узнал от восьмиклассника Сережи Большакова, что ребята из школы № 131 города Карталы Челябинской области тоже собрали лом на свой локомотив «Заслоновец Урала».

— Но почему все локомотивы «заслоновские»? — спросил я Сергея. — Есть какая-то традиция?

— Так сто тридцать первая тоже в Заслоновской республике! Не знаете? Ведь тринадцать школ имени Заслонова со всей страны состоят в ней. В прошлом году Пятый слет республики был в Бельцах в Молдавии.

— Разве только тринадцать школ имени Заслонова?

— Нет, конечно, намного больше, но мы еще не со всеми связались. У нас карта есть в

школьном музее. Как узнаем про еще одну школу, сразу зажигаем новую красную лампочку. А «заслоновские», кстати, не только локомотивы, вон, на БАМе есть даже «заслоновский» километр.

— А на локомотивы ваша школа когда металлолом собрала? До того как вступила в Заслоновскую республику или после?

— Конечно, раньше! Ведь просто так в республику не возьмут. Нужно сделать что-то важное, чтобы приняли. Кто найдет что-нибудь новое о заслоновском отряде, кто оформит школьный музей, а на нашем счету три локомотива!

Д. ЛАЗДАН
Златоуст

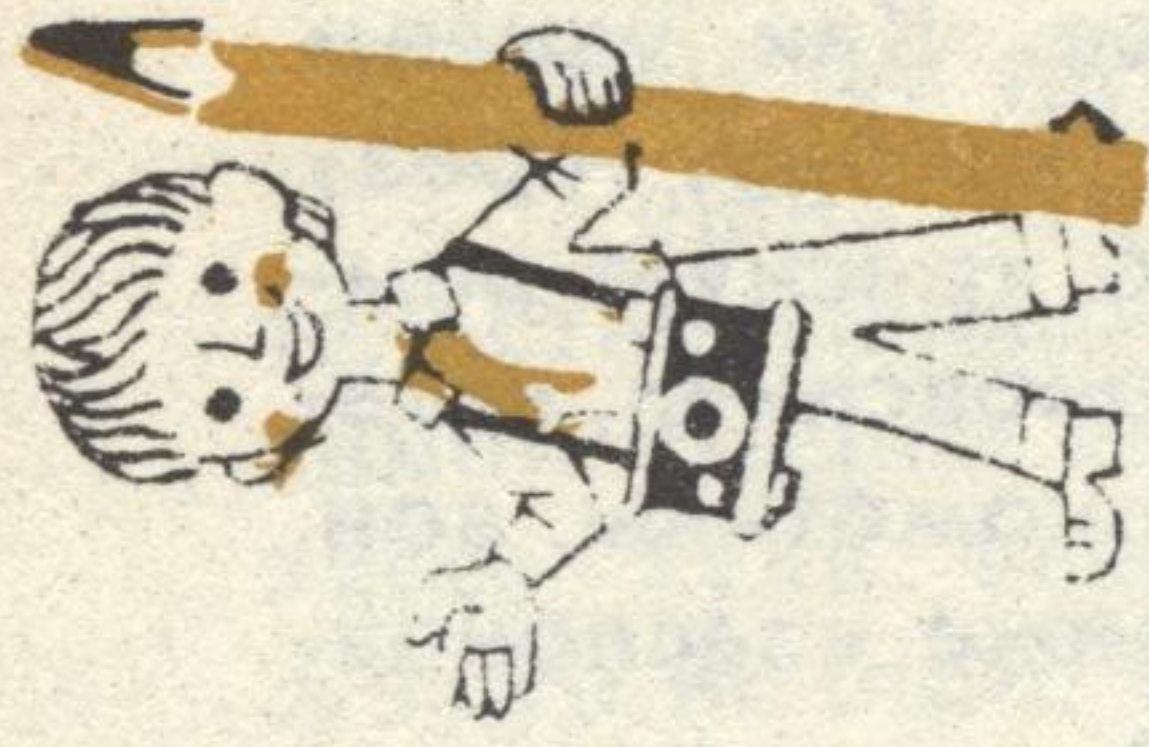

По обычаю хлеб и соль машинисту

Дружина передает локомотив «Партизан-заслоновец» Оршанскому депо, где работал Константин Заслонов

МАРШАЛЫ

**БОЕВАЯ
АРМИЯ
РЕБЯТ
АКТИВИСТОВ
БОРЕТСЯ,
АГИТИРУЕТ,
НАХОДИТ!**

САЛЮТ, ПОБЕДА!

ТВОЙ ВКЛАД В ШКОЛЬНУЮ РЕ-
ФОРМУ ● ВСЯ ШКОЛА МОЖЕТ
БЫТЬ КИДОМ! ● ПИСЬМА, НА-
ПИСАННЫЕ В ЗЕМЛЯНКЕ ●
СИГНАЛ ТРЕВОГИ ИЗ АЛТАЙ-
СКОГО КРАЯ ● ПРАВЫ ЛИ РО-
ДИТЕЛИ ВЕРЫ Х.? ● В «БАРА-
БАНЕ» — НОВЫЙ РАЗДЕЛ

Ты и реформа

Представьте себе школу в обычном селе, в которой есть своя обсерватория, планетарий, кинозал, два плавательных бассейна. Или школьный коллектив, где в каждой октябрятской группе и пионерском отряде ребята живут в одном дворе или на одной улице. А еще представьте себе пионерский завод, который выполняет важные заказы. Продукция завода идет по всей стране и даже за рубеж.

Фантастика?
Нет.

Школа, в которой есть все, что сегодня необходимо для интересной жизни ребят, существует в селе Сохновка Черкасской области. И все это сделано руками самих школьников. А пионерские отряды и октябрятские звездочки ребята с одного двора есть в школе № 7 города Нальчика Кабардино-Балкарской АССР. И пионерский завод, о котором шла речь, много лет действует в городе Кирове при школе № 37.

Школьная реформа открыла сегодня дорогу важным преобразованиям. Ее смысл в том, чтобы каждая школа отвечала требованиям нашего времени.

Только если просто сидеть и ждать, вряд ли что получится. Ведь реформу осуществляют конкретные люди, в том числе ваши старшие товарищи — учителя и вы сами. Не случайно в партийных и правительственных документах, посвященных реформе,

говорится об инициативе и самостоятельности самих школьников, повышении авторитета пионерских и комсомольских организаций.

В Щучинских городской и районной пионерских организациях Кокчетавской области пионеры сами оборудуют учебные кабинеты, сами организуют работу во время и после уроков. В Серебрянской школе № 2 Восточно-Казахстанской области все пионерские коллективы — это поисковые отряды, которые с рюкзаками за спиной изучают историю своего края, создали интересный школьный музей.

Все это — конкретный вклад пионеров в осуществление реформы, чтобы их школа уже сегодня шагнула в будущее.

А что если в «Барабане» организовать копилку опыта по преобразованию своей пионерской и школьной жизни, которым сможет воспользоваться каждый?

Ждем ваших сообщений.

Фестиваль в Москве - фестиваль везде!

Ленинградские пионеры **Наташа Позднева** (школа № 169) и **Миша Данилов** (школа № 118) недавно вернулись из Москвы, где они участвовали во Всесоюзной конференции школьников — председателей клубов интернациональной дружбы. «Барабан» попросил ребят рассказать о работе конференции.

Миша Данилов:— Мы рассказали о наших конкурсах «Города-побратимы Ленинграда», о «Неделе солидарности».

Ребята из других республик заинтересовали наши предложения по работе пионеров навстречу XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве.

Наташа Позднева:— Мы предлагаем провести конкурс знатоков истории фестивального движения «Салют, Фестиваль!», дружинный сбор «1985-й — молодежный» (ведь 1985 год объявлен ООН годом молодежи), игру по станциям — конкурс для пионерских отрядов — «Навстречу

Фестивалю». Советуем организовать пионерский телеграф «Алло, говорит Фестиваль!», провести день письма к зарубежному другу. И, конечно, отработать в совхозе или на подшефном предприятии в фонд Фестиваля.

Миша Данилов:— Мы пообщались в Москве с ребятами из разных республик. Но особенно с ребятами из Мурманской области. Я, например, впервые от них услышал, что, оказывается, вся школа может быть КИДОМ!

Многие делегации высказывали свои пожелания по подготовке Фестиваля. Например, ребята из Воронежа предложили вырастить цветы, а ребята из Армении предлагают подарить каждому участнику Фестиваля мягкую игрушку. «Дети Страны Советов — участникам Фестиваля!» — так будет называться всесоюзная акция по встрече Фестиваля.

Мы с Наташей очень рады, что побывали в Москве. Такое ощущение, что теперь у нас друзья повсюду.

САЛЮТ, ПОБЕДА!

Наш пионерский отряд носит имя Евгения Ширманова. Женя учился в нашей школе. Когда началась война, он поступил в Свердловское военное училище. С 1942 года Евгений Ширманов — на фронте. Он был несколько раз ранен. Награжден тремя орденами. Командовал самоходной артиллерийской установкой. Женина мама Мария Георгиевна передала нам несколько писем сына с фронта. В одном из них он пишет: «Мама, сколько раз я подвергался смерти, выскочившая из горящего танка. Не раз был засыпан землей. Виски уже поседел...» Мы читали много книг про войну, но только прочитав эти настоящие письма с фронта, поняли, какое горе — война.

«Пишу тебе в душевной землянке и при свете коптилки, где даже не видно букв, пишу тебе кривым некрасивым по-

черком», — это строчки из письма, которое было отправлено Ширмановым 10 марта 1945 года из Восточной Пруссии. Война близилась к концу. В последнем письме Женя просит маму: «Посади, мамочка, больше картошки, мы с папой скоро придем, будем копать ее вместе...» Евгений Ширманов погиб под Кенигсбергом. Мы хотим съездить в Калининградскую область, найти его могилу. В письмах Ширманова упоминаются имена танкистов из его экипажа. Это механик-водитель Владимир Ананьев, командир орудия Григорий Кулак, замковый Илья Овсянников, заряжающий Петр Давыдов. Мы их разыскиваем. Мы оформили альбом, посвященный Евгению Ширманову. В альбоме еще много чистых листов.

Наташа Осипова,
6-а класс,
школа № 21,
Тюмень

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

У нас все любят работать, поэтому, наверное, отряд дружный и мальчики не отказываются ни от каких поручений. Один пионер — в совете дружины, один в редколлегии, несколько человек даже в детском саду помогают, хотя в основном туда ходят девочки, а мальчики чинят игрушки и мебель. Ведь мальчики больше заняты после уроков — почти все ходят помогать чабанам, потому что наш район овцеводческий.

*Раушан Байкенова,
с/з «Советский»,
Кокчетавская область,
Валихановский р-н*

Второй год на ферме мы помогаем нашему совхозу по уходу за животными. Работу эту мы уже хорошо знали,

так как у многих есть животные дома. Отряд разделился на три группы. Работаем по очереди с 5 до 7 часов. Поддерживаем санитарную чистоту в комплексе: подбеливаем, убираем навоз, раздаем корм коровам. Наши мальчики научились доить коров, у каждого появились свои любимцы. Идя на комплекс, мы старались взять с собой что-то вкусное для них. Когда мы заходили, нас они встречали своим мычанием, как бы радуясь нашему приходу. Мы довольны своей работой, ведь мы видели ее результаты.

*Лариса Николаева,
Лариса Малышкина,
Дорофеевская ср. школа,
Щучинский р-н,
Кокчетавская область*

БАРАБАН БЬЕТ ТРЕВОГУ!

Через наш поселок протекает река Бия. Летом многие ребяташки остаются дома. лето жаркое, а купаться негде. Потому что по берегам Бии стоят дачи и частные дома. Люди в реку выбрасывают помой и битые стекла. Купаться идти — будешь инвалидом. Да еще вдобавок в реку выливают масло машинное, вблизи моют автомашины, масло также выливают

завод «Химкраска» и ТЭЦ. Голубого патруля у нас нет. Да и не будет. Ребята такие, что с ними ничего нельзя предпринять. Они знают только «острые слова».

Посоветуйте, пожалуйста, что делать.

*Марина Громакова,
5-б класс,
школа № 33,
поселок Сорokino,
Алтайский край*

МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

ФОТОКОНКУРС

ПЛЕНКА КОНЧИЛАСЬ

Володя Маган, Кокчетав

Сергей Тамнелю, 14 лет, Камчатская область

ЮНКОР СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

ВЕРЕ Х., ЧЬЕ ПИСЬМО О ДУХОВНОЙ ЧЕРСТВОВАСТИ ВЗРОСЛЫХ БЫЛО НАПЕЧАТАНО В 6-м ВЫПУСКЕ «БАРАБАНА» ЗА МИНУВШИЙ ГОД.

Хорошо, когда в классе есть дружные ребята. И если кто-то кому-то нравится, это еще не значит, что человек влюблен. Хорошо, пускай даже и влюблен, но разве это плохо? Неужели родители Веры не задумывались, какими они были в ее возрасте?

Тоня Казурова,
Алма-Ата

Ты пишешь, что у тебя очень дружный класс, так вспомни о друзьях! Неужели некому за тебя заступиться?

Джаннет Шихалиева,
Махачкала

Родители Веры неправы. Они должны не корить Веру, а помогать ей. А брат Веры просто ябеда.

Таня Козловская,
Кокчетавская область

Родители должны понять, что Вера может замкнуться в себе, не будет открывать им своих тайн, не получит душевного разговора.

Оля Козлова,
Мирный

Вера! Не отчаивайся! Твои родители все поймут! Я уверена в этом.

Ирина Плеванова,
Архангельская область

У твоего брата класс, наверное, недружный, и он не

понимает, что значит дружба мальчика и девочки. Нам хочется сказать ему: что же ты за брат, если кляузничает на свою сестру!

Аня Сергеева,
Лена Тырнова,
Ленинград

Насмешки очень трудно стерпеть, а когда мама с папой смеются — это вдвойне тяжело.

Ира М.,
Петрозаводск

Надо обратиться к учительнице. Учитель может поговорить с твоими родителями, братом, все им объяснить. Это лучше, чем сидеть и смотреть, как у тебя рвут песенник и обещают опозорить на всю школу.

Гизелла К.,
Баку

Я хочу сказать Вере: не надо падать духом! Дружи с Сергеем по-прежнему и ничего не бойся.

Наташа Кузнецова,
Тула

Я считаю, что Сергея нужно пригласить в гости. Родители ближе узнают его, и, возможно, конфликты между тобой и папой прекратятся.

Люда Петрякова,
Пермская область

«Барабан» присоединяется ко всем добрым пожеланиям Вере и просит ее сообщить свой точный адрес, по которому можно было бы переслать сотни писем, пришедших в редакцию на ее имя.

Литературная

Страничка

Внимание! В «Барабане» — новый раздел. Печатают ваши фельетоны, очерки, зарисовки, рассказы, сказки. «Барабан» объявляет конкурс на лучшее название и лучшую эмблему литературной странички. Ждем ваших предложений.

Марина БЛЯХМАН живет в Ленинграде и учится в третьем классе. Она сочиняет загадки, стихи, рассказы, сказки. «Барабан» представляет сказку Марины, которая называется

ПРО БУДИЛЬНИК

Жил-был будильник. Жил он в комнате на шкафу. Однажды надоело ему так сидеть и решил он отправиться в путешествие.

Ночью будильник слез со шкафа, открыл дверь и вышел на улицу. На небе была луна и много звезд. Будильник посмотрел на небо и очень обрадовался. Ведь когда он был дома и сидел на шкафу, он же не мог видеть ни звезд, ни луны!

Скоро наступило утро. Люди из будильниковой квартиры проснулись позже обычного (ведь будильник-то не звонил) и забеспокоились. А потом выглянули в окно и увидели, что будильник спокойно спит на скамейке возле парадной.

Девочка Лена побежала к нему, завела будильник, и он сразу проснулся. Весело весело затикал.

После этого будильник ни когда не ставили на скучный шкаф. Он стал жить на парадной доконнике, откуда хорошо видны луна и звезды.

ОПАСНЫЙ ПЕРЕХОД

ПУТЬ В. И. ЛЕНИНА ПО ЦАРСКОСЕЛЬСКИМ ПАРКАМ
20 мая 1900 года

План дорог Царскосельского парка 1900 года. На этом плане следопыты отметили пунктирной линией путь Владимира Ильича Ленина

Это уже традиция, в канун ленинских юбилеев научные сотрудники Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина дают задания следопытам дружин и отрядов. Случается, поиск продолжается не один год и его передают как эстафету многие поколения юных исследователей. Так вышло и у пушкинских ребят — пионеров 409-й и Александровской школ. Им поручили попытаться определить путь, которым 20 мая 1900 года шел через царскосельские парки Владимир Ильич.

Чем же оказался знаменательным в жизни Владимира Ильича этот майский день в самом начале века? Ребята взяли в библиотеке книги, биографию вождя, воспоминания его родных и близких, сборники документов. И вот что им удалось узнать.

После окончания срока ссылки в Шушенском Владимиру Ильичу запретили проживать в Петербурге, Москве, да и вообще почти во всех крупных городах России. Из всех оставшихся возможных

мест Владимир Ульянов выбрал Псков — поближе к Петербургу. 5 мая после немалых хлопот бывшего ссыльного псковский губернатор выдал ему заграничный паспорт для поездки в Германию, сроком на шесть месяцев. В таких случаях приводилась одна из двух уважительных причин — лечиться или учиться.

На самом же деле, Владимир Ильич рвался за границу совсем по другому поводу. Еще в ссылке он до мельчайших подробностей обдумал план издания будущей общерусской нелегальной газеты, которой дали название — «Искра». В оставшиеся до отъезда из России дни предстояло встретиться с петербургскими товарищами, найти для связи верных агентов, обговорить неотложные организационные дела. Как это сделать? Появиться открыто в столице — никоим образом. Кто позволит нарушить постановление «самого» министра внутренних дел? Значит, остается единственный выход — тайно, скрытно приехать в Петербург.

В ночь с 19 на 20 мая Владимир Ильич, захватив небольшую ручную корзинку, с последним звонком сел в вагон пассажирского поезда № 18, следовавшего маршрутом Остров — С.-Петербург. А рано утром, когда поезд на несколько минут притормозил на станции Александровская, спрыгнул с подножки вагона. От станции он направился аллеями Александровского парка в сторону Царскосельского вокзала.

Вот теперь, когда понятна историческая обстановка, можно приступить к решению сложной задачи — определить, какой дорогой шел Ленин.

Что известно? Точка «А» — станция Александровская и точка «Ц» — Царскосельский вокзал. Еще известно из документов, что время, которое затратил на этот путь Владимир Ильич, — 94 минуты. Но ведь дорог и дорожек много. Расспросили старожилы. Свете Даниловой и Марине Ивановой повезло больше всех. Оказалось, что их учительница русского языка и

литературы Лидия Павловна девчонкой каждый день бегала из Александровской через парк в городскую школу. Она хорошо помнила все дорожки и показала ребятам самую короткую.

После уроков Света и Марина с Игорем Гашниковым, Андреем Пучковым и Володей Смирновым пошли проверить этот вариант пути. «Если поторопиться,— докладывали потом следопыты,— за полтора часа можно успеть».

Все складывалось как будто удачно и довольно просто, но... В этом-то «но» вся загвоздка.

До февраля 1917 года в Александровском дворце жил царь, и все вокруг, включая парк, тщательно охранялось. Значит, по парку не везде можно было ходить. А где? Люда Ларенцова, Сережа Фролов и Света Захарова, ребята из 409-й школы, разыскали бывшего станционного сторожа, дедушку Куликова. На Александровской он служил еще при царе. Он рассказал: «В ту пору вокруг станции проходила «полоса отчуждения», которую охраняли вооруженные жандармы. Винтовки они держали с постоянным прицелом — 320 шагов. Ближе не подойдешь».

Как же тогда мог пройти Владимир Ильич? Начнем от вокзала. Тут все ясно. Единственный путь идет по Волхонскому шоссе — ровной и прямой тройной аллее. Почему «тройной»? В центре — широкая дорога, справа и слева — пешеходные дорожки. От станции до чугунных ворот — их называли Александровскими — 1250 метров. Дальше развилка — уходят три дороги. Левая — Кузминское шоссе, ведет к деревне Большое Кузино открытыми полями, огибая парк и весь город с севера. Тут не скроешься от наблюдения, да и путь слишком длинный, круговой. Правая дорога, ее в начале века называли Этапной, вела к гвардейским казармам, рядом располагался военный лагерь, и поэтому по-

Такой была станция Александровская в тот далекий день

стоянно дежурили казацкие патрули. Маловероятный путь для опытного конспиратора. Да и времени на него надо больше двух часов.

Из трех дорог осталась одна, средняя, ее называют Елевой аллеей — это самый короткий и удобный путь, им пользовались раньше, ходят и теперь. Кажется, все ясно. Но старожилы в один голос утверждают, парк охранялся и вокруг него стояла высокая железная ограда. Значит, и по Елевой аллее идти было нельзя? Как же быть?

Таких вопросов у следопытов накопилось много. История — наука сложная, восстановить события более чем 80-летней давности далеко не просто. Поэтому мы и попросили ленинградского историка и следопыта, кандидата исторических наук Григория Самойловича Усыскина помочь пионерам в их поисках.

Г. С. Усыкин: — С большим интересом слежу за поиском пушкинских следопытов. Рассуждения их вполне логичны. Но если первые два варианта пути отпадают как бы сами собой, из-за нехватки времени, то вариант третий — дорога через парк — поставлена под сомнение без должных на то оснований. Прежде всего — разберемся с оградой. Споры нет, она существовала, но когда ее установили? Летом 1905 года! А

Владимир Ильич шел здесь пятью годами раньше. Второй вопрос — можно ли было гулять по парку относительно свободно? И да, и нет! Все зависело от того, находился ли царь в этот день в Царском Селе. Как узнать, где находился царь 20 мая 1900 года? На этот вопрос одна из газет того времени — «Ведомости С.-Петербургского градоначальства» — отвечает так:

«Вчера, 19 мая, в 10 ч. 45 м. дня по Варшавской ж. д. прибыли в Петербург их императорское величество государь император и государыня императрица...» Значит, 19 мая царя в Царском Селе не было. А 20 мая? В тот день он встречался с тайным советником Зиновьевым в Зимнем дворце. Следовательно, можно сделать вывод: путь через парк был относительно свободен. Но есть еще документ и более убедительный. В Публичной библиотеке удалось обнаружить важный для нашего поиска материал — план-схему царскосельских парков 1900 года. Этот план-схема и путеводитель предназначались для туристов-велосипедистов. Его издатели, конечно, не могли предполагать, какую добрую услугу он окажет через восемь с лишним десятилетий. Смотрите, пунктир велосипедных маршрутов проходит по Еле-

«Караулка» у Александровских ворот

вой аллее Александровского парка. Аллея начинается от небольшого караульного домика и ведет через старинный мостик к Ламским прудам. Оставляя справа зубчатые башни Арсенала, Владимир Ильич продолжал идти, скорее всего, по Фермской дороге. Отсюда, как хорошо видно на плане, совсем недалеко до выхода из парка через всегда открытые Чихачевские ворота.

Кончился парк — начался город. Московская улица, Конюшенная (ныне улица 1-го Мая), и, наконец, Широкая (сегодня это улица Ленина) приводили к самому зданию вокзала. Здесь Ленин сел на пригородный поезд и приехал в Петербург.

Итак, выдвинутая ребятами гипотеза и обнаруженные мной доказательства как будто вполне убедительны и не противоречат известным фактам. Об этом я и рассказал пионерам Александровской школы. Показал карту-схему 1900 года, вспомнил еще о некоторых любопытных подробностях, которые нашел в старых путеводителях и газетах.

Первая. Когда Владимир Ильич 20 мая 1900 года шел по Елевой аллее, он, вероятно, не мог не заметить зверинца, где жили привезенные из Южной Америки экзотические животные — ламы. Красные кирпичные стены зверин-

ца сохранились до наших дней.

Вторая. Недалеко от зверинца он мог встретить и двух слонов. Они жили рядом с Елевой аллеей, в специальном домике. Летом слоны свободно гуляли по дорожкам парка и даже купались в прудах.

Третья. 20 мая 1900 года газеты сообщали, что в начале недели в Петербурге состоялся спуск на воду крейсера 1 ранга «Аврора». Конечно, последний факт прямого отношения к поиску не

имеет, но он показался мне весьма примечательным и символичным.

Закончив рассказ о своих находках, я спросил: «Есть вопросы? Пожалуйста, задавайте».

Вопрос задал кто-то из новичков, и потому он прозвучал, как гром среди ясного неба:

— Скажите, откуда известно, что Владимир Ильич приехал на станцию Александровская в 7.25 утра, а уехал из Царского Села около 9? За полтора часа даже по короткому пути пройти нелегко.

— Как откуда? Вы же знаете, что сохранился документ — донесение жандармского полковника Пирамидова, начальника столичной охраны, и там указано: приехал поездом № 18 из Пскова в 7.25 и сел на пригородный поезд после 9. Факт этот, как говорится, хрестоматийный.

— А Пирамидов откуда об этом узнал?

— От своих агентов, сыщиков. Они следили за Владимиром Ильичом от самого Пскова.

— А не могли они ошибиться в своих записях? Кто их проверял?

На сомневающегося зашикали: «Чего ты глупые вопросы задаешь?» Действительно, кто проверял агентов и можно ли их проверить? А если посмотреть расписание движения поездов за 1900 год?

На следующий день опять отправился в библиотеку. Нашел летнее расписание. Его ввели как раз за две недели до поездки В. И. Ленина. Что же оказалось? Поезд № 18, указанный полковником Пирамидовым в донесении, останавливался на станции Александровская в 6 часов 29 минут утра, а не в 7.25!

Куда же девался почти час времени, а если быть точным — 57 минут? Что же могло случиться? Опоздал поезд? Может быть, перенесли время введения расписания?

Все это означает только одно: следует продолжить поиск.

САЛЮТ, ПОБЕДА!

ТЕ САМЫЕ ГЕРОИ

243-я ленинградская школа находится недалеко от института физической культуры имени Лесгафта. И поиск, который ведут пионеры, — о лесгафтовцах-участниках войны.

Саша Зацепин из 7-в ведет меня по школьному музею, рассказывает о героях войны — студентах и преподавателях этого института. Так я узнал, что на второй день войны лесгафтовцы организовали отряд народных мстителей. Командиром стал Косицын. Отряд был рейдовым — он забрасывался в тыл противника, осуществлял диверсионные операции, потом пробивался обратно в Ленинград.

Февральский рейд 1942 года был особенно трудным. Стояли жестокие морозы. В одной деревне предатель навел гитлеровцев на их след — едва ушли от преследования. И вот наконец железнодорожный мост, который надо было обязательно взорвать в момент, когда по нему пройдет воинский эшелон противника.

У моста минеры сбросили лыжи, поползли закладывать взрывчатку. А кинооператор Николай Голод стал готовить к работе свою кинокамеру.

Показался поезд. Николай застрекотал камерой. В последний момент понял: деревья заслоняют, надо поближе подойти...

«Куда! — закричал Косицын, — назад!» — Но оператор уже выходил в открытую к насыпи.

С платформы поезда окоченевший часовой вдруг замахал радостно рукой. С других платформ тоже закричали и замахали, привлекая к себе внимание: меня, меня сними!

Фашисты подумали, что свой военный кинооператор делает кадры для хроники.

Голод вел камеру, снимая старательно — часовых, укрытые брезентом танки, мост, взрыв на мосту...

Все это, повторяю, я узнал из рассказа Саши Зацепина. А потом мы пошли в школьный актовый зал смотреть кинофильм об отряде Косицына.

И я увидел, как по заснеженному лесу идут лыжники в белых маскхалатах. Железнодорожный мост, поезд приближается... Это та самая пленка. Взрыв на мосту, падают вагоны. Это тот самый февральский рейд. Крупным планом — командир Дмитрий Федорович Косицын, комиссар Владимир Дмитриевич Шапошников, радист Миша Васьковский... Молодые, смелые — живые. Это те самые герои.

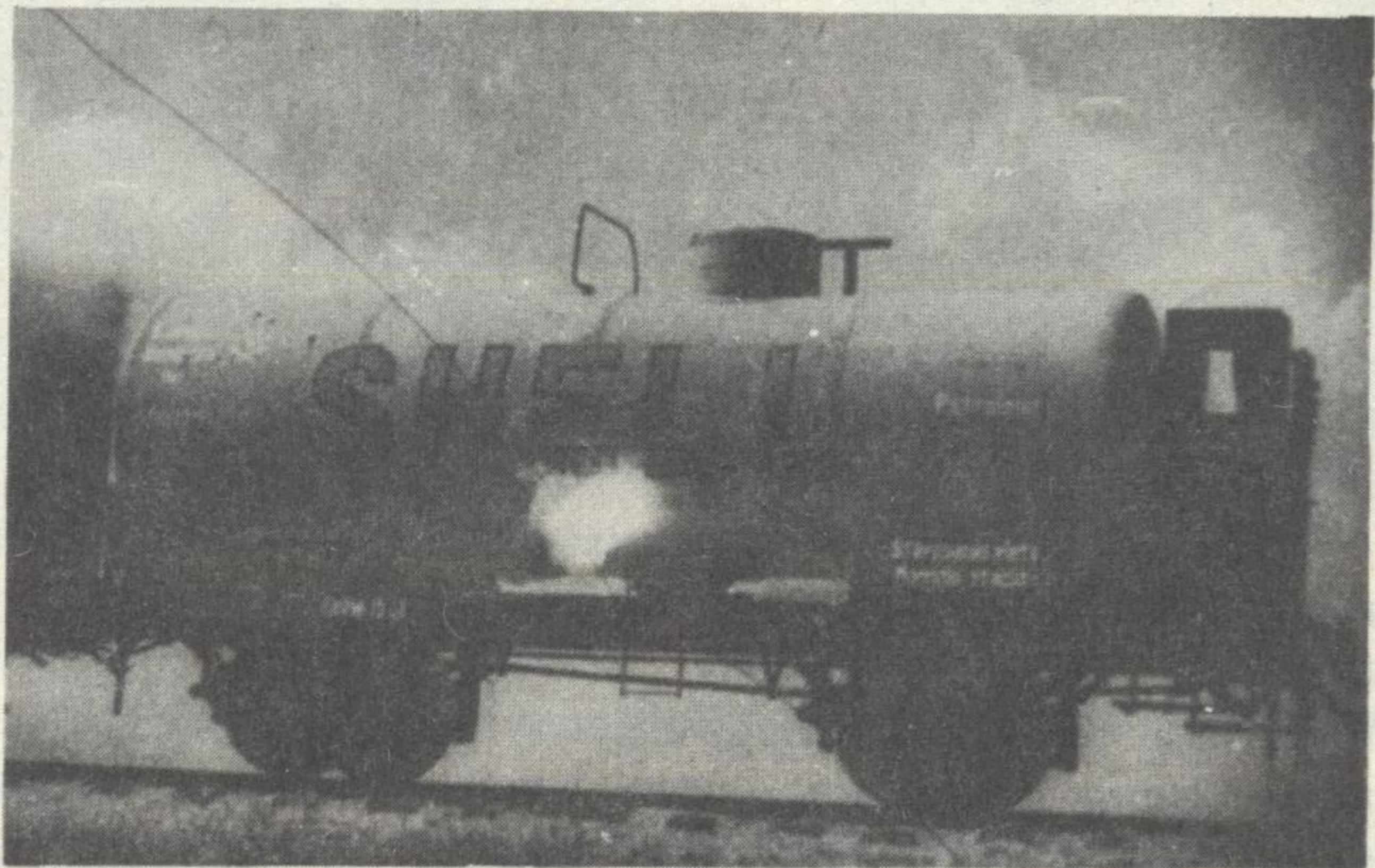
В. КОНСТАНТИНОВ

Перед операцией. Второй справа — командир отряда Ф. Косицын

Немецкий состав приближается к заминированному участку

Горит цистерна с бензином

Взятые в плен фашистские солдаты уже не хотели сниматься

Потомок Джима

Федор АБРАМОВ

РАССКАЗ

Рисунок А. Слепкина

Жили-были в предвоенном Ленинграде художник Петр Петрович и его жена Елена Аркадьевна. И был у них Дар, черный красавец доберман-пинчер.

Хозяева души не чаяли в своем Даре. Умнейший, благороднейший пес! И в высшей степени услужливый.

Утром, бывало, Петр Петрович еще только протирает глаза, а Дар уж держит в зубах ночную туфлю. Потянулся Петр Петрович за папиросой — пожалуйста, спички. Ну, а ежели Петр Петрович за кисть возьмется — замер. Перестал дышать. Сплошная истома и блаженство. И Петр Петрович, не очень-то избалованный вниманием как художник, вздыхал: «Ах, если бы так понимали искусство те, кому это положено! На какие высоты мы бы поднялись!»

Отношение Дара к хозяйке укладывалось в одно слово — джентльменство. Джентльменство, какого ныне поискать и среди людей! Скажем, возвращаются они с покупками из магазина или с рынка. Позволить Елене Аркадьевне тащить сумку? Ни за что на свете! Легкую поклажу в зубы; а та, что потяжелше, — на спину. И вышагивает, вышагивает, к зависти и восторгу прохожих, слегка пружиня сухие, мускулистые ноги в коричневых чулочках, чуть-чуть грузноватый, закормленный и все-таки элегантный, подтянутый, с тонкой лоснящейся кожей с рыжими подпалинами, как бы весь налитый жиром изнутри.

Совсем других правил придерживался Дар в отношении друзей и знакомых дома. Такт, корректность — это всенепременно, но в то же время никаких нежностей, до которых особенно охочи восторженные дамочки.

Квартира Петра Петровича и Елены Аркадьевны была открыта с утра до ночи, к ним перли все, кому не лень, — благо, всегда можно задарма поесть и выпить. Дару это не нравилось. Но что поделаешь с его чересчур хлебосольными хозяевами, да к тому же еще слегка бравирующими своей богемностью?

Зато, когда хозяев дома не было, Дар не церемонился. Впустить в квартиру пустит, а обратно хода нет. Сиди! До тех пор сиди, пока не вернется один из хозяев. Ну, а ежели гость попадался строптивый, своевольный, тогда Дар ложился поперек дверей и издавал такой утробный звук, от которого гость моментально трезвел.

Одним гостям Дар позволял все — малым детям. Дети могли вытворять с ним все, что угодно: гладить, хлопать, даже садиться верхом. Правда, самому Дару это не доставляло большого удовольствия, но он терпел. Терпел, сцепив зубы, потому что бездетные хозяева были без ума от детей. А потом и то надо было принять во внимание: разве сам-то он не был маленьким?

Была у Дара и еще одна слабость — он был сладкоежка, и именно из-за избыточного веса его,

умнейшего и благороднейшего пса, не допустили к участию в собачьей выставке.

В то лето, с которого начинается наш рассказ, Дару исполнилось десять лет, и по этому случаю Петр Петрович и Елена Аркадьевна решили заткать пир.

Праздничный обед с шампанским, с обильным набором всевозможных пирожных и тортов, любимого кушанья новорожденного, назначили на воскресенье, на то роковое воскресенье, когда в советский дом вломилась война. И надо ли говорить, что обед не состоялся?

Петра Петровича как белобилетника на фронт не взяли, но мог ли он в такое время сидеть дома?

Петр Петрович напросился на оборонные работы, а вместе с ним отправился и Дар: никакими уговорами, никакими строгостями не могли удержать его.

Дар не рыл с утра до ночи раскаленный песок лопатой, не долбил ломом заклею, ставшую каменной в то жаркое лето глину, не надрывался над стопудовой тачкой, но он тоже строил оборону. Ибо одно его присутствие тут, вблизи от ревущего огня и железа, один его домашний, всегда такой франтоватый, неунывающий вид снимали с людей усталость, наполняли их бодростью и верой.

А Петр Петрович, слабенький, вечно зябнувший Петр Петрович... Что бы он делал без своего верного друга?

Спать приходилось под открытым небом, прямо на земле, а потом и вообще пошли холодные ночи — замерзай, щелкай зубами до самого утра. А когда рядом с тобой Дар — привались к его горячему мягкому боку и лежи, как на печи.

Осенью в осажденном городе начался голод. Петру Петровичу и Елене Аркадьевне пришлось туго вдвойне: на Дара карточку не давали.

Друзья в один голос твердили: надо прощаться с Даром. Это безумие — держать собаку в такое время. Но Петр Петрович и слышать не хотел. Предать друга в беде, да как после этого жить?

Раз в сумерках Петр Петрович прохаживался с Даром возле своего дома. Был уже снег, припекал мороз. Петра Петровича била дрожь, хотя он намотал на себя уйму всякой одежды. Он попытался перейти на трусцу, но начавшие пухнуть ноги чугуном вращали в землю.

Уже когда они подходили к парадным воротам дома, на них напали двое мужчин. Вернее, напали на пса, потому что сам-то Петр Петрович их не интересовал. Они только ткнули его рукой, и он упал, а на Дара пытались накинуть сетку.

Дар в один миг раскидал доходяг и, если бы Петр Петрович не успел подать команду, бог знает, чем бы все кончилось.

После этого случая Петр Петрович уже не решался выводить пса из дома, да ему и самому не под силу стали прогулки: он слег.

В середине декабря Петра Петровича удалось

устроить в госпиталь. Дар, доселе покорно следовавший законам вынужденного затворничества, тут вышел из повиновения. Он проводил своего хозяина до госпиталя и затем, несмотря на лютую стужу (а ведь у него была очень короткая шерсть), долго сидел у занесенного снегом крыльца и безутешно, как это умеют только собаки, плакал.

С этого дня Елена Аркадьевна целыми днями пропадала на толкучке. Картины видных мастеров, отечественных и зарубежных, золотые кольца, браслеты, редкие книги — все меняла на хлеб, на землистый блокадный хлеб с множеством примесей, на дуранду, на жмыхи — только бы спасти своего Петю.

Однажды ей крупно повезло: она сумела на одну бесценную вещь выменять кусочек мяса, да не какой-то там костлявой и жилистой старучины, а свежей благоухающей печени.

Сразу воспрянувшая духом Елена Аркадьевна сварила печень в кастрюльке и тем же часом отправилась в госпиталь.

— Петюля, Петюленька! Что я тебе сегодня принесла-то.

Она вынула из сумки сверток, развернула и застонала: перепутала... Вместо кастрюльки с печенью завернула такую же на вид кастрюльку с кипятком, которым грелась перед тем, как выйти на улицу.

Она не помнила, как бежала назад мертвыми, безлюдными улицами и переулком, барахталась в снежных сугробах, не помнила, как поднималась к себе на второй этаж, открывала дверь. Все мысли, все ее помутившееся от ужаса сознание были сосредоточены на маленькой, продымленной кастрюльке, забытой на чугунной буржуйке. И на Даре, на голодном Даре, по ее вине оставшемся один на один с одуряюще вкусно пахнущим мясом.

Дар не прикоснулся к кастрюльке, даже крышку не сбил с нее. Но что стоило ему это? На полу была лужа слюны.

Кусочек печени не поднял Петра Петровича на

ноги. Наоборот, после этого он, казалось, еще быстрее покатился навстречу бездне.

Доктор, дальний знакомый, сам страшнейший дистрофик, в тот раз, провожая Елену Аркадьевну, сказал:

— Выход у вас один, голубушка. И вы знаете, какой.

— Пожертвовать Даром? Нет, нет, я лучше сама умру.

— Ах, Елена Аркадьевна, Елена Аркадьевна! Чем может помочь ваша смерть Петру Петровичу?

— Но Петя, когда узнает, проклянет меня.

— Ну, смотрите, смотрите. Недельку еще, надеюсь, протянет, а дальше... — И доктор покорно и обреченно развел руками.

К этому времени Дар сильно отощал и высох, но благодаря жировым излишкам, из-за которых он когда-то не вышел в призеры, он все еще ходил на собаку. И, конечно, как умел, исполнял свои обязанности. Всякий раз, как хозяйка, возвращаясь с толкучки, начинала скрежетать железным ключом в промерзших дверях, он вылезал из своей конуры, оборудованной под столом, и встречал Елену Аркадьевну стоя, в духе прежнего, раз навсегда усвоенного джентльменства.

В дни же прихода хозяйки из госпиталя его от волнения охватывала дрожь и, уткнувшись мордой в заиндевелую полу шубы, он жадно втягивал в себя ее запахи в надежде уловить среди них единственный и неповторимый запах хозяина.

Сегодня Дар не вылез из конуры.

— Дар, Дар... Но я же ничего не сказала... У меня и в мыслях ничего такого не было...

Дар не подавал никаких признаков жизни. В промерзлое, мохнатое от инея окно кухни, похожей на каменный склеп, скупо сочился неживой свет кончающегося декабрьского дня.

«Может, он заболел?» — подумала Елена Аркадьевна.

Она наклонилась к конуре, протянула к отверстию руку, и тут пес заурчал, щелкнул зубами.

Елена Аркадьевна была потрясена — никогда в жизни Дар не позволял себе ничего подобного. Не раздеваясь, она села на кровать и заплакала.

— Дар, Дар, я этого не заслужила. Ну чем, чем я виновата, что кругом война, смерть, что Петр Петрович умирает? Я не хочу, видит бог, не хочу твоей смерти. Но что мне делать? Как спасти Петра Петровича?

То ли на пса, как всегда, магически подействовало имя хозяина, произнесенное Еленой Аркадьевной, то ли он сжалился над ней, слабой, беспомощной женщиной, но он вылез из своей берлоги и тихо и виновато лизнул ей руку.

Елена Аркадьевна хотела приласкать, обнять добермана (сколько раз за эти страшные дни, что она жила одна, без мужа, она черпала силы в разговоре с ним!), но, встретившись взглядом с его темными, исстрадавшимися, все понимающими глазами, она еще пуще прежнего разрыдалась.

— Дар, Дар... Я ничего, ничего не сказала ему... — Она имела в виду дворника, который снова сегодня, который уже раз за эту неделю, предлагал ей свои палаческие услуги.

Впоследствии, тысячу раз возвращаясь в мыслях к тому, что произошло в этот вечер, она больше всего казнила себя за то, что забыла закрыть за собой на крюк двери. Ибо, постучись к ней дворник, разве она открыла бы ему?

Дворник вошел в ту минуту, когда она разговаривала с Даром.

— Пришел, Елена Аркадьевна... Пора кончать с этим делом.

— Нет, нет... Не сегодня...

— Да чего тянуть-то? Неужели вам пес дороже мужа?

— Завтра, завтра... В другой раз...

— Да до другого-то раза я сам не доживу...

Гремя огромными, словно из железа выкованными ботами, дворник подошел к Дару, накинул ему на шею веревку. И Дар, Дар, который никогда за свои десять с половиной лет жизни не терпел ни малейшего насилия, тут не оказал ни малейшего сопротивления.

Петр Петрович был спасен.

О Даре он не спросил Елену Аркадьевну ни разу, да и вообще разговаривали они теперь только в самых необходимых случаях.

Раз, вскоре после снятия блокады, они вышли на улицу подышать свежим воздухом, а вернее, погреться, потому что был дивный, солнечный день. И вот не успели они перейти улицу, как на глаза им попался белый пудель. Первая собака, которую они увидели за эти два года в городе.

Пуделя на поводке вел старик интеллигентного вида, и оба они — и белый пудель, чистенький, расчесанный, с нарядной попонкой, и прямой, молодеватый старик, тщательно, до блеска выбритый, в черных, туго обтягивающих красивые руки кожаных перчатках, — оба они походили на каких-то сказочных существ, пришедших в этот, все еще нежилой город не то из довоенного времени, не то с другой планеты.

Ни единого слова не было сказано между Еленой Аркадьевной и Петром Петровичем, но с этого дня Елена Аркадьевна слегла и через полгода умерла.

Петр Петрович пережил жену на три года. В годовщину смерти ее он возложил на могилу скромное, но с редким вкусом им самим обработанное гранитное надгробие, а рядом с могилой жены поставил гранитную стелу, на которой высек такие слова:

**В ПАМЯТЬ НЕЗАБВЕННОГО ДРУГА
ДОБЕРМАНА-ПИНЧЕРА ДАРА,
ЗАЩИТНИКА И МУЧЕНИКА
БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА**

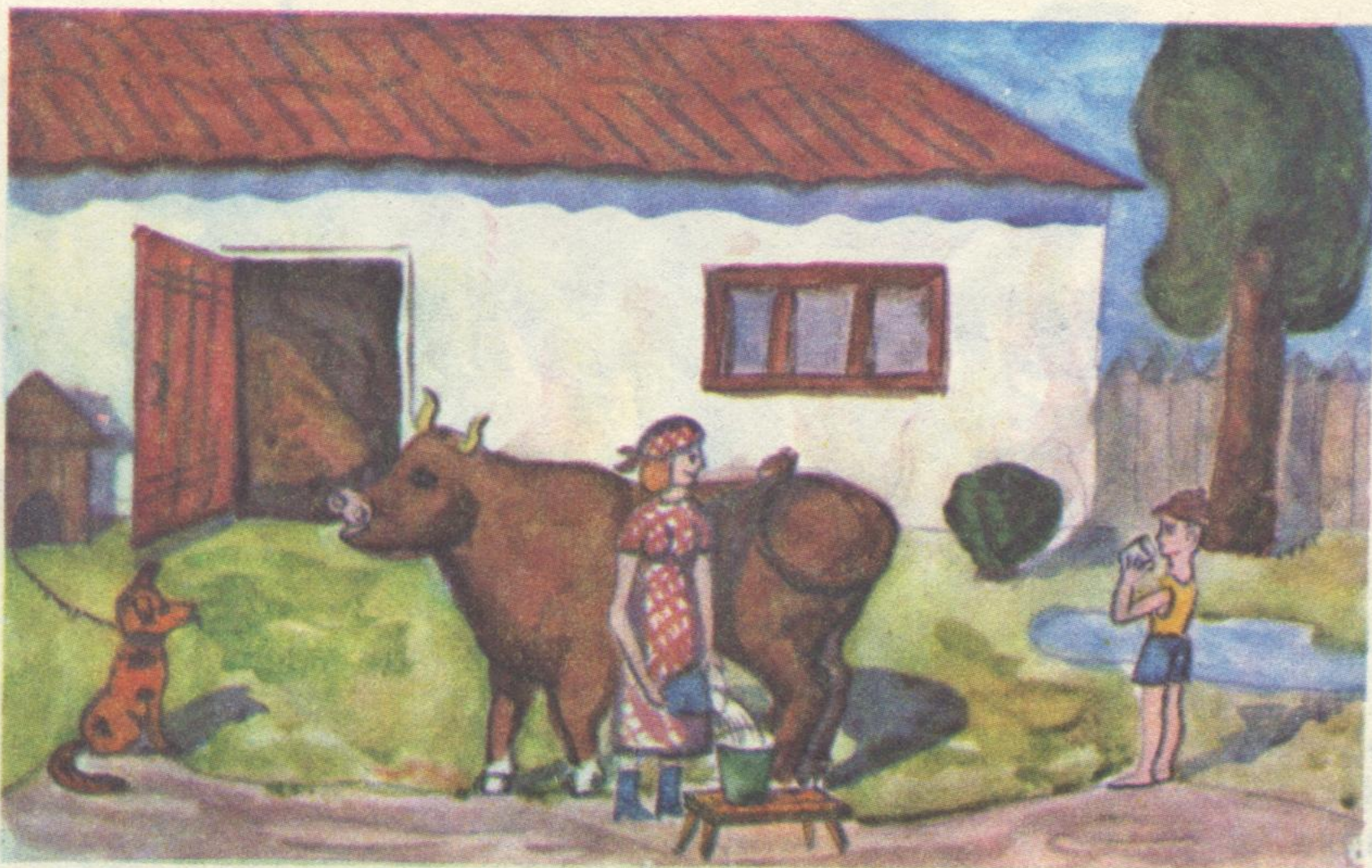
В последние два года Петр Петрович почти не выходил из своей квартиры и все рисовал и рисовал своего Дара...

Эту печальную, но и возвышающую дух историю рассказала мне одна старая приятельница Петра Петровича и Елены Аркадьевны. Она же указала мне и кладбище, на котором похоронены Петр Петрович и Елена Аркадьевна.

Увы, кладбища этого давно нет. На месте его стоят новые жилые дома.

ПО ПЕРВОМУ СНЕГУ
Саша Антонов, 11 лет

Я, БАБУШКА, БУРЕНКА И ТРЕЗОР
Света Чекмарева, 12 лет

МИР, В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

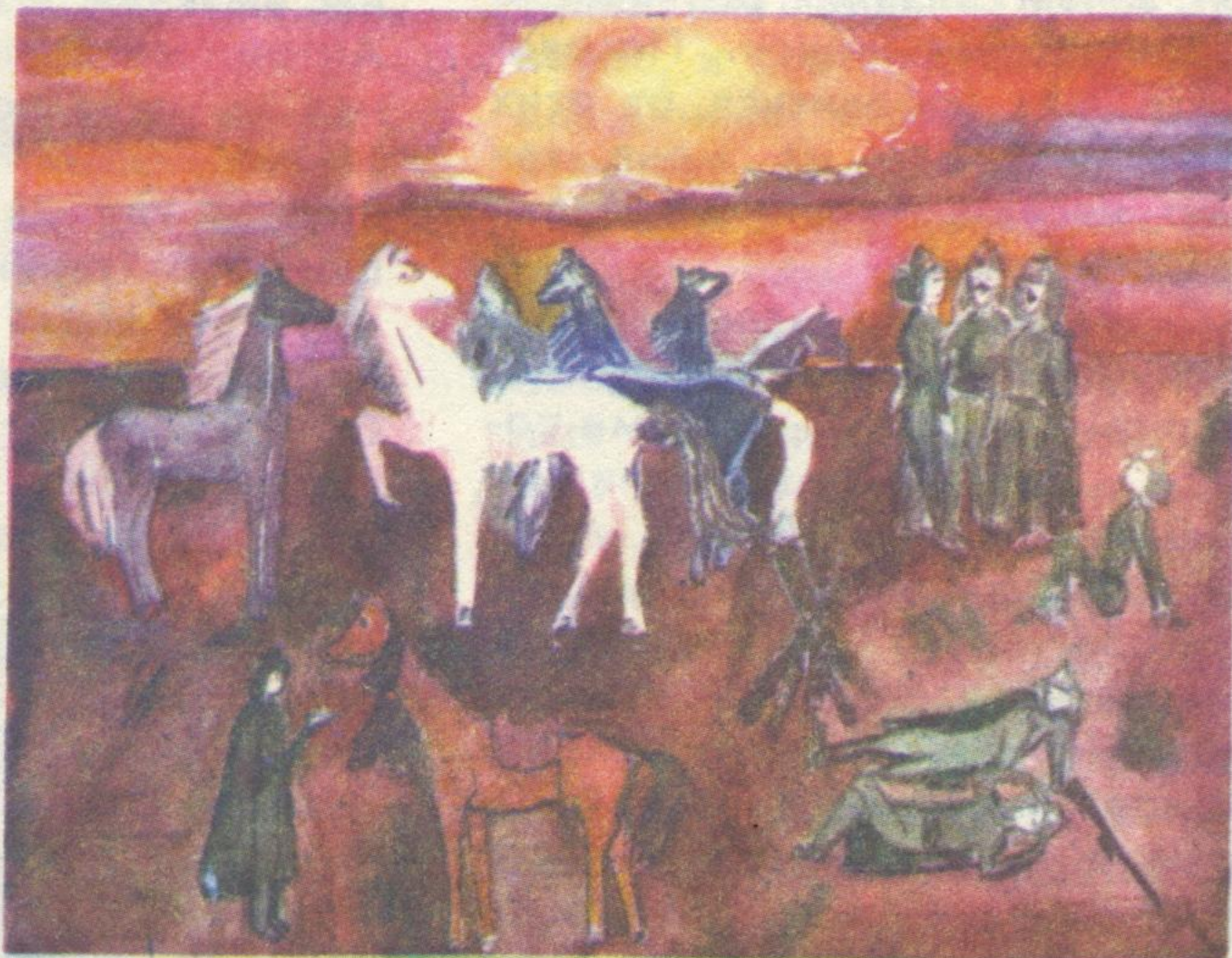
Представляем работы юных художников
изостудии Дворца пионеров города Курска

ПРАЗДНИЧНЫЙ КУРСК
Яша Шифман, 8 лет

ДРЕВНИЙ ВОИН
Алеша Выскребынцев, 8 лет

ПРИВАЛ
Аня Аллянова, 9 лет

ИСПЫТАНИЕ ДРУЖБОЙ

Письма о дружбе... В почте «Барабана» их большинство. Часто они, как две капли воды, похожи друг на друга. «Мне нравится один мальчик, но он не обращает на меня никакого внимания. Посоветуйте, как быть?..» Трудно бывает дать конкретный совет. Ведь автор письма не сообщает ничего ни о себе, ни о человеке, с которым хотелось бы подружиться. Да и нет одного-единственного рецепта на все случаи жизни.

Но есть письма, в которых дружба касается не только двоих. Оказывается очень важным мнение одноклассников, авторитет родителей, учителей. Дружба выносится на общий суд. В одних случаях она становится еще крепче, в других прекращается так внезапно, как будто ее и не было вовсе.

В одном из недавних выпусков «Барабана» было напечатано письмо пятиклассника Андрея Лагутина из Хабаровска: «Я дружу с девочкой. Но многие смеются, говорят, зачем связался, разве мало хороших мальчишек. Посоветуйте, как избавиться от этих насмешек. Все на меня так туго надели, что я не знаю, что делать».

Ситуация оказалась очень типичной. В редакцию посыпались письма — письма-советы, письма-размышления, письма-жалобы. Были даже письма-обвинения. «В том, что дружба часто заканчивается, виноваты чаще всего родители, — категорично заявляет шестиклассница Галя Фионина из Пензы. — Они часто первые узнают о дружбе и запрещают ее, говоря: «Ты учишься лучше него, а он плохой ученик, шалопай! Не дру-

жи с ним!» Пресекают дружбу и учителя. Порой на уроках они забывают, что у учеников тоже есть гордость, и говорят: «Иванов! Перестань любезничать с Петровой! На перемене выясните отношения!» После таких реплик не у многих сохраняется желание дружить, к тому же, гордость дает себя знать. Неудивительно, что такому учителю чаще объявляют бойкоты, чаще срывают уроки.

«Дружбу разрушают завистники, — пишет Аня Коншина из Перми. — Им завидно, что дружат не с ними, вот они и начинают сплетничать исподтишка».

Оля Сиротина из Московской области рассказывает: «Когда-то Антон Чигинев дружил с Людой Огурцовой. Мальчики и девочки стали говорить, что, мол, он влюбился в Людку. И Антон испугался сплетен. Он даже сразу прекратил с ней разговаривать».

Грустные письма, не правда ли? Но не сочувствие они у нас вызвали, а жалость. Жалок Антон, который смалодушничал и оказался предателем. Жалки завистники, находящие в глупых сплетнях утешение от тоски по настоящей дружбе. Нам искренне жаль пионеров из Пензы, чья дружба зависит от двух-трех несправедливых реплик взрослого. «Гордость дает себя знать...» Полно, гордость ли? Не обыкновенная ли это трусость? Ведь проще всего принять обиженную позу и махнуть на все рукой: сорвать урок или объявить учителю бойкот. Гораздо труднее заставить уважать себя, свою дружбу.

Ленинградка Света Шмер-

линг рассказывает: «В нашем классе есть отличница Лена. Гуляем мы с ней как-то после уроков, а навстречу — Ира (она учится неважно). Лена хватает меня за рукав: «Пойдем обратно! Мне неудобно играть с двоечницей!» Разве это правильно?»

Нет, Света, неправильно. Да ты и сама это знаешь, иначе не села бы за письмо. Непонятно только, почему свой вопрос ты задала «Барабану», а не самой Лене? Не захотелось вступить в конфликт с примерной отличницей? Что ж, тебя можно понять. Жаль только, что пользы от этого никакой.

Наташа Л. из Красноярского края тоже попыталась избежать конфликта: «Вместе со мной учится девочка, зовут ее Оля (фамилию не буду называть). В прошлом году мы с ней были неразлучными подругами. Она писала стихи, я ей помогала сочинять. Но когда об этом узнали наши одноклассники, они стали над ней смеяться. И теперь с ней никто не дружит. Мне жаль ее, хотя я с ней тоже больше не дружу».

А нам очень жаль Наташу. Будет ли в ее жизни такая же подруга, как Оля? А если будет, не бросит ли она ее при первой же чужой насмешке?..

Как часто сетуют ребята на отсутствие в отряде настоящей дружбы. Как просто находят виноватых — родителей, учителей, обстоятельства. И далеко не у всех хватает духу признаться, как это сделала семиклассница из Вологды Наташа Кузьмина: «Дружбы у нас в классе между мальчиками и девочками нет. Вино-

ваты в этом не родители и не учителя. Виноваты в этом мы, одноклассники. Мы боимся этой дружбы, стыдимся ее».

Света Сергиенко из литовского города Шяуляй поведала с грустью, что на призыв девочек: «Мальчики! Будьте благородней!», ребята снисходительно заявили: «Сейчас не восемнадцатый век!»

«Я мечтаю,— пишет семиклассница из Челябинска Лена Клат,— чтобы мой друг был смелым, добрым, отзывчивым, чтобы всегда защищал меня».

Слышите, мальчишки? В вас мечтают увидеть защитников. Значит, есть от кого защищать слабых. Значит, и в двадцатом веке кому-то необходима ваша смелость, отвага, честь! Может быть, если почаще вспоминать об этих ваших мужских качествах, то и дружба будет крепкой и долгой.

Вот и Лена Карненко из поселка Новосибирское Сахалинской области признается: «Друга я представляю: смелым, умным и, конечно, добрым. Рядом со мною есть такой человек. И я с ним дружу. И никто над этим не смеется».

Таня Стебелькова из Йошкар-Олы побывала в «Орленке», где очень подружилась с мальчишками. «С ними так интересно поговорить, поспорить, помечтать! Я переписываюсь с ними и думаю, что этим летом мы встретимся. В нашем классе многие смеются надо мной, но я не обращаю внимания. И мой папа

был против того, чтобы я переписывалась с мальчишками. Но я доказала ему, что ребята-орлята доверяют мне, а я им. Теперь папа сам помогает мне, когда у нас в отряде что-нибудь не ладится между мальчиками и девочками».

А вот письмо Иры Пышковой из Ленинграда: «Дружба — это прекрасное чувство. И никакой разницы нет между дружбой мальчика и девочки и дружбой двух мальчиков или девочек. Ведь главное, чтобы рядом был друг. А чтобы отряд стал дружным, надо, по-моему, найти дело, которое всем нравится. И еще надо научиться в чем-то уступать друг другу».

Эти письма написали убежденные люди, умеющие отстаивать свою дружбу, своих друзей. Никакие насмешки им

не страшны. И думают они прежде всего не о себе, а о своих товарищах. Может быть, именно это — главное?

И в заключение — еще одно письмо. Оно пришло из Криничненской средней школы Одесской области от шестиклассницы Лены Златевой: «У нас в отряде есть один мальчик, с которым никто не дружит. Его зовут Коля К. Видим мы его очень мало. То он не на уроке — сбежал, то выгнали его. А бывает, что он вообще не является в школу. Вдобавок ко всему он еще и курит. После уроков Коля убегает куда-то, забросив портфель. Учителя его «ловят» в коридоре и силой тащат на урок, чтобы поставить отметку. Может, во всем виноват отряд?..»

Это очень важно, что Лену беспокоит судьба Коли. Конечно, в его трудностях и бедах виноват отряд, ведь отряд отвечает за каждого своего пионера. В чем конкретно вина отряда, нам трудно сказать, ведь мы пока ничего о его работе не знаем. Но одно из главных Колиных несчастий — «с ним никто не дружит». Вовсе не сугубо личное это дело — дружба. И чем добрее и бескорыстнее вы, ребята, будете друг к другу, чем внимательней и отзывчивей, тем легче вам будет преодолеть те трудности и проблемы, о которых шла речь в нашем разговоре.

С. МАХОТИН

Рисунки Е. Воробьевой

ФЕСТИВАЛЬ В „ЗЕРКАЛЬНОМ“

К. БОРИСОВ

В «Город мастеров» 14-й отряд пришел в полном составе. Гоша Сосняков тут же быстро защелкал ножницами: готово, посмотрите, какой вышел смешной мышонок! А Гера Михайлов неторопливо работает, обстоятельно: плетет из кусочков кожи сумочку. Гоша торопит друга: нужно еще на викторине побывать, успеть на спортивные соревнования.

Весь сегодняшний день в «Зеркальном» — праздничный, фестиваль! Только смолк утренний горн, как засигналили у главных ворот приехавшие из Ленинграда автобусы: «Принимайте гостей!» Гости — пионеры-тельмановцы из ГДР. Мальчишки и девчонки в синей форме прыгают с подножки и тянут за собой шнур с разноцветными флажками... целый километр флажков! Всю центральную аллею сразу завесили и еще хватило для холлов главного корпуса.

Бетонные плиты около корпуса тоже вскоре стали разноцветными: ребята рисуют мелками солнце, раду, ядерную ракету, перечеркнутую крест-накрест.

В холле на столах — краски, ватман, карандаши. Всех желающих приглашают принять участие в конкурсе политического плаката.

Гера сделал набросок фломастером: мальчик и девочка закрывают дверь перед приближающимся танком. Гоша помогает — раскрашивает, советует:

— И еще давай напишем: «Нет войне!» По-русски и по-немецки!

— А как по-немецки? — Гера изучает в школе английский.

— Сейчас спросим! — Гоша огляделся: в холле много немецких пионеров, тоже рисуют.

Гера сомневается: начнешь спрашивать, а ни одного слова по-немецки не знаешь, только опозоришься... А Гоша уже объясняет что-то жестами мальчишке в синей форме со значком пионе-

ра-тельмановца. Сначала они совсем не понимали друг друга, а потом Фридрих Штеффен взял фломастер и написал на Герином плакате: «Nie wieder Krieg!»

После конкурса они втроем отправились на викторину. Фридрих знает довольно много русских слов, может объясняться по-русски... Гере досадно: надо будет выучить хотя бы несколько разговорных фраз по-немецки!

Викторину немецкие пионеры организовали. Вопросы — о ГДР, о Дрездене, о пионерской организации имени Тельмана.

«На какой реке стоит Дрезден?» — Гера задумался.

Чувствует, что Фридрих хочет подсказать ему, но — нельзя нарушать правила!

— На Эльбе, — Гера сказал наугад.

— Гут. Правильно, — Фридрих улыбается. — А второй вопрос?

— В каком году Всемирный фестиваль молодежи и студентов проводился в Берлине?

Ну, этот вопрос для Геры — легкий! Гера и другие ребята 14 отряда отвечают сегодня за праздничный концерт, в концерте будут танцы и песни тех стран, где проходили Всемирные фестивали, так что ребята листали книги в библиотеке, выписывали — знают: 1947 год — Прага, 1949 — Будапешт... В Берлине фестиваль проводился дважды — в 1951 и 1973 годах!

— Это приз, — Фридрих передал Гере немецкий значок, точно такой, какой у него на груди.

Главным событием дня стала манифестация «Салют, мир!» Отряды выстроились у главного корпуса: «зеркалята» в желтых рубашках и красных галстуках, тельмановцы — в синем; ветерок с озера расправил легким движением матерью отрядных флажков. Вожатые и пионеры рассказывали о Всемирной федерации демократиче-

ской молодежи, о фестивальном движении. К микрофону подходит пожилая седая женщина — Мария Михайловна Горбачева. Всю войну провела она в Ленинграде. Геру поразил ее короткий, простой и в то же время трагический рассказ.

— Пусть больше никогда не будет войны! — Мария Михайловна не может сдержать слез.

Мирное воззвание — в форме фестивальной ромашки. Подписывается ветеран войны, пенсионер Мария Михайловна Горбачева, ученик седьмого класса ленинградской школы Герман Михайлов, пионер-тельмановец из Дрездена Фридрих Штеффен... более шестисот подписей!

Жюри отобрало лучшие поделки из «Города мастеров» для фестивальной лотереи.

У концертного зала на доске рядом с фестивальной ромашкой уже вывесили «молнию»: сборы от лотереи составили 100 рублей, эта сумма переводится в фонд XII Московского Всемирного фестиваля.

За кулисами Гера надел румынский костюм, Гоша — венгерский. Оказалось, что немецкие пионеры тоже привезли концертную программу.

— Я тоже участвовать концерт, — объясняет Фридрих. — Я участвовать хор!

Танцевали перед полным залом — польку, чардаш, летку-енку, хоппель-поппель, румбу... Пели песни.

...Пора прощаться.

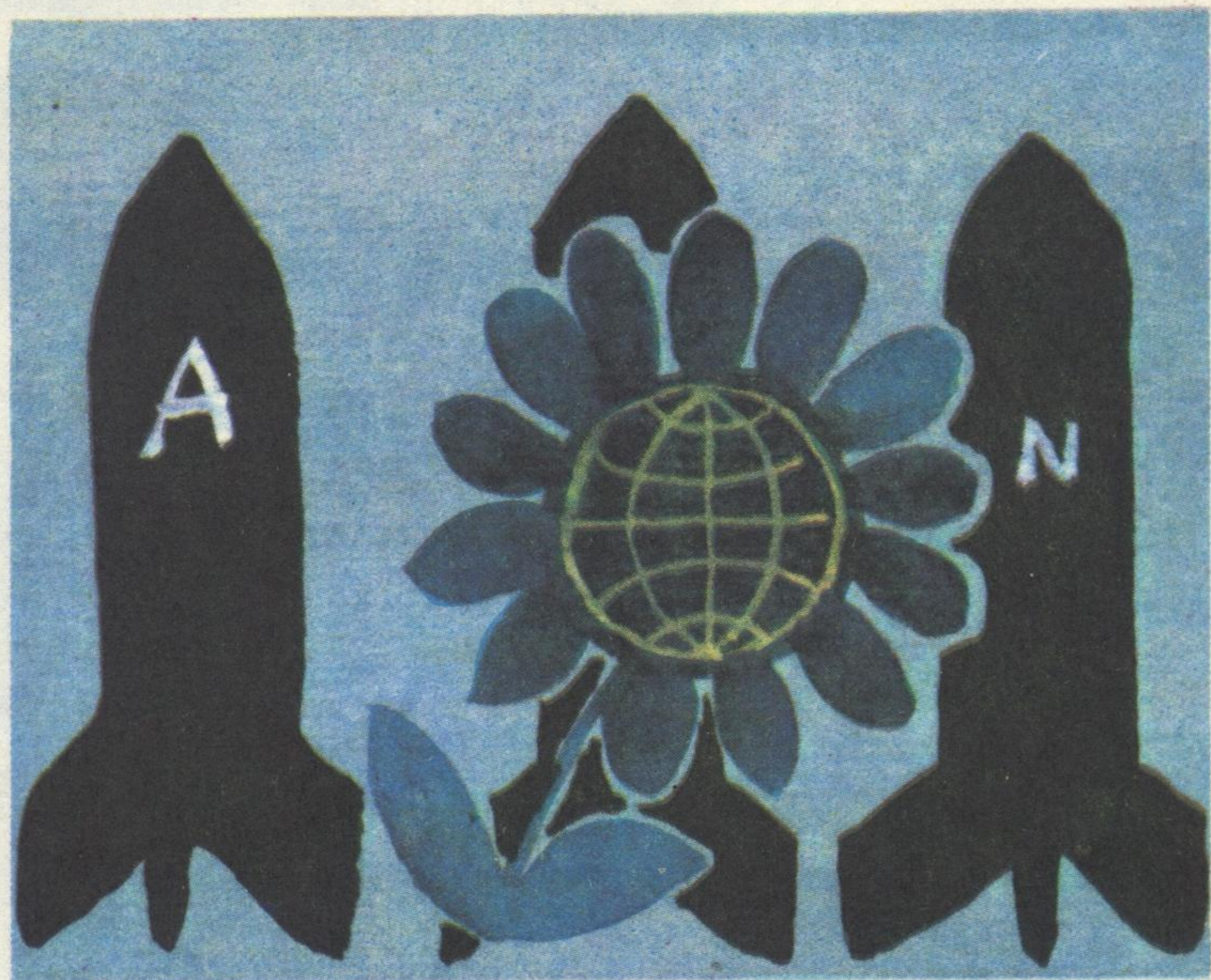
— Я запишу тебе свой адрес, — Фридрих говорит по-немецки, но Гера уже как-то научился его понимать. Он тоже достает ручку, пишет свой ленинградский адрес. Около автобусов всю работу «Почта дружбы».

Над «Зеркальным» теплый августовский вечер.

Гера приколот над своей кроватью плакат. Улыбнулся, рассматривая еще раз значок, подаренный Фридрихом.

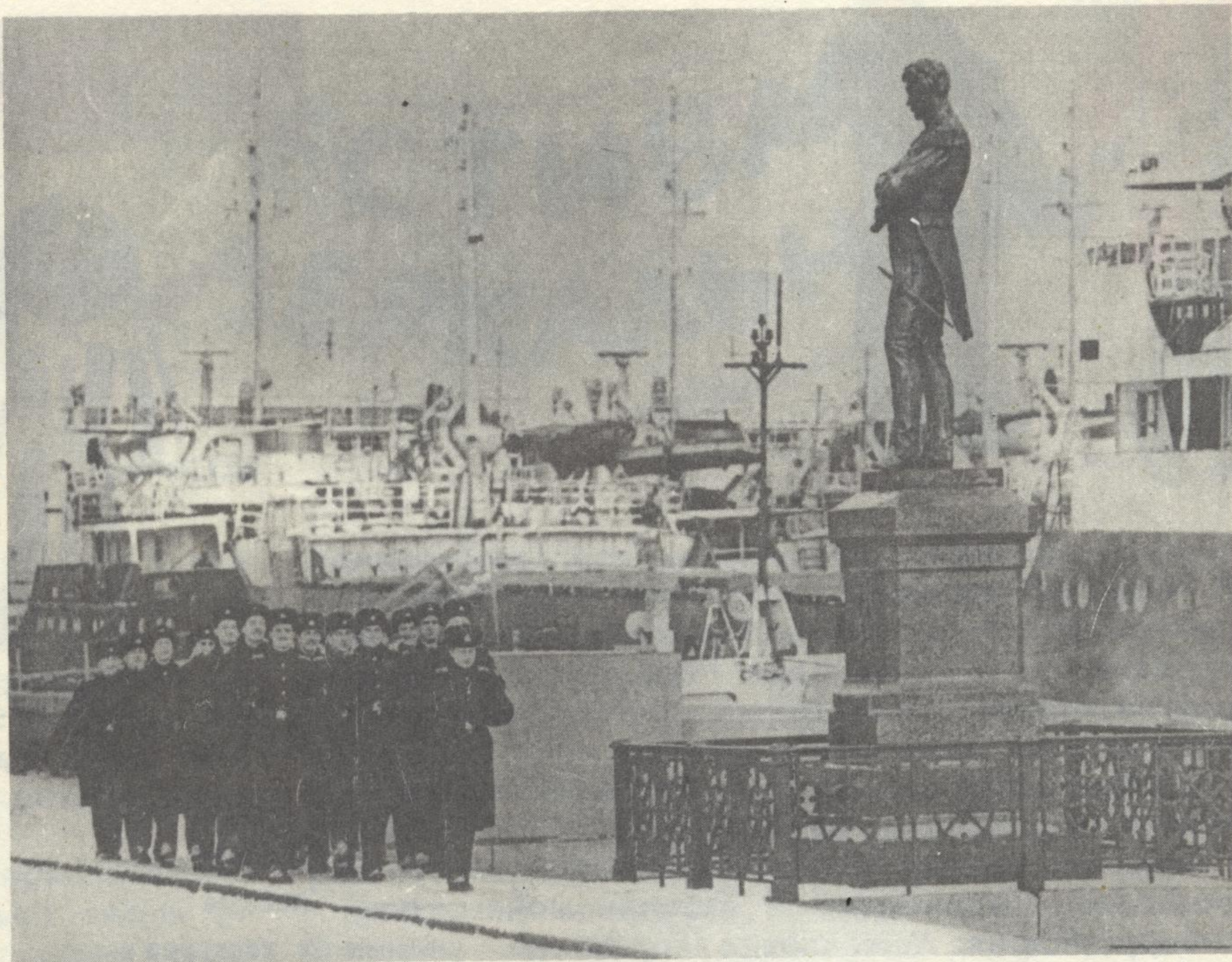

Лучшие работы с конкурса политического плаката в пионерском лагере „Зеркальный“

Оформление
К. Почтенной

КОМПАС В МИРЕ ПРОФЕССИЙ

АКАДЕМИЯ МОРСКОЙ ГВАРДИИ

«Морским судам быть» — повелел Петр I в 1696 году, и тысячи топоров застучали на верфях в Воронеже, Архангельске, в Казани, на берегах Ладоги. Так родился русский военно-морской флот. Для этого флота нужны были грамотные специалисты. А откуда их взять? Не было тогда в России ни одной школы, где обучали бы морскому делу. «Нет — так будет», — решил молодой государь. «Быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно искусств учению» — так повелел Петр в указе 1701 года.

Навигацкая школа обосновалась в Москве. Лишь четыре ученика поступили в нее добровольно, остальных 176 забрали у родителей насильно.

В 1715 году часть учеников Навигацкой школы переехала в новую столицу — Санкт-Петербург. Здесь открылась Академия Морской Гвардии.

В громе пушечных батальонов мужал российский флот. Выдающиеся флотоводцы, известные ученые, путешественники, художники, писатели вышли из стен училища, что

расположено на набережной Невы: адмиралы Ф. Ф. Ушаков, Г. А. Спиридов, Д. Н. Сенявин, П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, В. И. Истомина, первооткрыватели шестой части света — Антарктиды Ф. Ф. Беллинсгаузен и М. П. Лазарев, композитор Н. А. Римский-Корсаков, писатель К. М. Станюкович, художник-баталист В. В. Верещагин.

Менялись оснастка кораблей и их вооружение, сменялось название Академии. Неизменным оставалось одно: учиться в ней могли лишь дети дворян. Только в начале этого века стали допускаться к поступлению дети высшего духовенства, чиновников, толстосумов.

Октябрьская революция распахнула двери бывшего Морского корпуса для рабочих и крестьян. На основании ленинского декрета о создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота училище стало готовить командные кадры. Первым курсантам не раз приходилось прерывать учебу, они сражались у стен Петрограда и на кораблях Балтийского флота с беляками, нагоняя страх на врагов одним своим появлением. Надо сказать, многим курсантам поначалу легче было управляться с трехлинейной винтовкой и «максимом», чем с непослушной ручкой или циркулем.

Неувядающей славой покрыли себя воспитанники училища во время Великой Отечественной войны. Им пришлось сражаться с врагом на суше, на море и в воздухе. Даже попав в пехотные батальоны, курсанты хранили как зеницу ока бескозырки, тельняшки и надевали их перед атакой.

Сейчас Высшее военно-морское ордена Ленина Краснознаменное ордена Ушакова училище имени М. В. Фрунзе оснащено по последнему слову науки и техники. На всех морях и океанах бдительно несут службу на боевых кораблях выпускники этого старейшего в нашей стране военно-морского училища.

В. ТЕРЕШКИН
Фото М. Дмитриева

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ЯНВАРЬ

Пришел январь, а снега нет.
И нет синиц, в окно стучащих,
И нет веселых снегирей,
На ветке по утрам свистящих.
А есть туман, и дождь, и мгла,
И тишина в промокшем парке,
И мысль о том, что это все —
Ужаснейшие неполадки!

Шепелева Дарина,
5 класс,
Горький

АЛЕШКА

Белый снег, белый снег,
Белая дорожка.
А на ней — человек,
Это наш Алешка.
Человеку третий год.
Он кричит в восторге,
Что ему пришел черед
Прокатиться с горки.

Золотарева Саша,
6 класс,
Киров

Я РИСУЮ ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Люди мечутся в адской схватке,
Света белого не видать.
Может, выжить тебе не придется,
А придется сейчас умирать.

Стоны, крики и восклицания,
Залит кровью прибрежный лед.
У Вороньего черного камня
Жесточайшая схватка идет.

Дрогнул лед, побежали тевтонцы,
И забили колокола.
В небесах задрожало солнце
От победного крика: «Ура!»

Дима Белый,
г. Чайковский

Рисунок М. Милеевой

целе, и к нему было не подойти? И как он выбрался оттуда, если у погреба только одна дверь?

Назад мы шли тем же путем. Около выхода из парка отец приостановился и потянул меня к погребу. Он боком раздвинул крапиву, подошел к двери и заглянул в окошко.

— Ты знаешь, ничего не видно,— сказал он, отходя,— темно и сыростью тянет.

Дома я взял книжку и уселся читать, но железная дверь не шла у меня из головы. Я все пытался сообразить, как этот офицер спасся. Я думал, думал, а потом взял лист бумаги и нарисовал план. Погреб, деревья, чугунная тумба у входа в парк,— я там все наизусть знаю. Нарезал зеленые треугольники из тетрадной обложки — это у меня солдаты были — и стал их переставлять на плане около погреба. Я их часа полтора переставлял, вдруг вижу погреб, деревья, солдаты в чужой форме — все живое. Сначала я решил, что сплю. Так бывает — сон идет, а ты как будто со стороны за всем следишь, как будто тебя предупредили, что все во сне.

Я этот бой увидел. Солдаты перебежали от дерева к дереву и стреляли. Они придвигались и придвигались к погребу, пока не оказались у самой двери, но тут все началось сначала. И так раза три. Тут я понял, что это не сон, потому что у меня сны — немые, а здесь все слышно было, даже когда пули по деревьям чиркали. Я сначала ис-

пугался, думал брежу, а потом сообразил, что нет, просто вся эта история у меня в голове крепко засела.

И на завтра в школе у меня этот бой все крутился в голове и никак не мог кончиться, как будто там чего-то не хватало.

Это была прямо мука какая-то, и когда я на уроке истории сообразил в чем дело, то просто встал и пошел к двери, мне необходимо было сейчас туда, в парк.

Конечно, я никуда не ушел. Клавдия Яковлевна перехватила меня и устроила, как она выразилась, показательное аутодафе. Только я даже не расстроился. Я теперь не мог думать ни о чем кроме продырявленной пулями двери.

До конца уроков все-таки пришлось досидеть. А когда вышел, на улице начинался мелкий дождь. Черные точки густо покрывали тротуар, и последняя неприбитая пыль взлетала на холодном ветру.

В парке было пусто. Я подобрал около буфета ящик покрепче и потащил его к погребу. Крапива раскачивалась и потряхивала своими волосатыми листьями. Я выставил вперед ящик и шагнул. Несколько мокрых стеблей хлестнули по руке, но ожога я не почувствовал. Осень, что ни говори, уже и крапива не жжется.

У двери я влез на ящик и заглянул в окошко. Из темноты тянуло слабеньким сквозняком, и

где-то в глубине шлепали капли. Ничего не было видно.

Газету и спички я купил по дороге в парк. Я свернул из газеты длинную трубку, зажег ее и просунул между прутьями решетки. Она разгорелась нехотя, и я увидел то, о чем догадался на истории. Так вот почему в моем сне никто не стрелял из-за двери! Я просто не знал об этом углублении в каменной стене, справа от входа. Дверь была плохой защитой от автоматных очередей, каменная стенка — другое дело. Он стоял в этой нише и стрелял через окошко из своего пистолета.

Я отошел от погреба шагов на двадцать. Окошко было едва заметно, и мне показалось, что он еще стоит там, прижавшись к холодной стене.

Дождь все сыпался, и я пошел домой.

Но как же он выбрался оттуда?

Я еще не дошел домой, а мне этот бой снова стал казаться. Только теперь они перед погребом, как раньше, не бегали. Тот офицер из-за двери очень метко стрелял. Я сам видел, как один солдат из-за дерева на секунду высунулся, и наш офицер в него сразу попал, только каска покатилась. Но тут я пришел домой, и совсем другие дела начались.

А утром я все это опять увидел. Я пошел в школу длинным путем, и началось снова.

Они целились в окошко, и вокруг него в толстом железе было уже несколько дырок. От выстрелов дверь вздрагивала и гудела, но это было не страшно — чтобы попасть в ту нишу, нужно было знать про нее, а знали об этом только он и я.

Наш офицер стрелял часто и метко, но ведь должны были кончиться у него патроны, и дверь могли взорвать гранатой. Хотя нет, раз дверь цела и сейчас, значит никто ее не взрывал.

Но как же он выбрался оттуда?

После уроков я опять забрел в парк. Только я не пошел к погребу, а забрался на один высокий холм, его насыпали по приказу какого-то царя, сел там наверху и стал ждать.

На этом холме столько берез, что не видно неба. Я сидел и думал, что если уж такой холм могли насыпать, то мало ли что еще может быть в этом парке, про что мы теперь и не догадываемся, или просто привыкли и не замечаем. Вот если бы в этом погребе оказался подземный ход, мой офицер ушел бы от фашистов этим ходом. Но тогда бы про этот ход знали, про него было бы хоть где-нибудь написано. Вот ведь и папа говорит, что сколько себя помнит, дверь в погреб всегда была наглухо заделана. Стоп!

Да ведь она потому и заделана, что там ход. Не водить же экскурсии в эту дыру. Вот и заде-

дали, чтобы никто туда сам не лазил, а то еще засыпет кого-нибудь.

Я вскочил и кинулся к погребу. Ящик, который я принес туда вчера, так и стоял у двери, но у меня не было ни газеты, ни спичек.

Ближе всех к парку жил Витька Трофимов. Я побежал к нему. Он начал было выпрашивать, зачем мне фонарь, но я что-то наплел ему и ушел побыстрей.

Рефлектор у фонарика оказался большой, чуть не во все окошко, но, видно, батарейки в Витькином фонарике были старые, и лампочка едва тлела.

Я долго вглядывался в дальнюю стенку погреба и рассмотрел около нее что-то темное с метр высотой. Я зажмурился, чтобы глаза привыкли к темноте, потом снова заглянул внутрь. Теперь свет лампочки показался мне гораздо ярче, и я разглядел предмет у дальней стены. Это был высокий ящик или сундук.

Ну, конечно, если даже кто-нибудь и заглядывал сюда, разве можно догадаться, что за этим сундуком потайной ход.

Я слез с ящика и понес фонарь Витьке.

Дома я сразу сел за уроки. Потом побежал в магазин, потом нашел еще какие-то дела. Я все время суетился и старался с кем-нибудь разговаривать. Мне хотелось дожидаться ночи, чтобы увидеть, как там все кончилось, я боялся, что это начнется раньше, и кто-нибудь мне помешает. Еще я боялся уснуть, но оказалось зря.

Как только в квартире погасили свет, и стало тихо, все началось само собой. Оно как будто дожидалось меня, чтобы загрохотать частыми выстрелами.

Время от времени то один, то другой солдат утыкались серо-зелеными плечами в истоптанную траву, а я все ждал, когда он перестанет стрелять. Ему пора было уходить. Скоро фашисты подползут совсем близко и начнут без промаха бить в маленькое окошко, как будто возвращая вылетевшие оттуда пули.

Еще два выстрела грянули за дверью, и я вдруг понял, что он не найдет потайной ход, он не может отойти от своего окошка, у него просто нет времени разыскать этот ход.

И тогда побежал я. Все оставалось как раньше — квартира, наполненная темнотой, особенная ночная тишина на улице. Но огромные растрепанные взрывами деревья я видел так же отчетливо, как и высокий фонарь за окном, и выстрелы слышались так же ясно, как тиканье часов на письменном столе.

До царских конюшен было далеко, и я еле добежал. Меня будто кто-то толкнул в спину — на тяжелых негнущихся ногах прошел через безлюдный двор к зарослям смородины. Там среди кирпичных обломков и сора чернела дыра лаза, и я точно знал, что именно этот ход нужен нам сейчас. И тут я перестал видеть окно с фонарем, слышать тиканье будильника — мне было жутко. Я знал, что нужно лезть, и не мог. Потом воздух вздрогнул от недалеких выстрелов, и я опустил колени в черную влажную землю и стал протискиваться.

Я полз на четвереньках по этому ходу, пока не услышал впереди прерывистый гул. Ход пошел круто вверх, я вытянул руки и уперся в узкую дверь. Она долго не поддавалась, видно, с той стороны было много всего навалено, потом дверь приоткрылась, и я протиснулся в погреб.

Он стоял в той нише. Я видел только руку с пистолетом и винтовку, прислоненную к стене. Винтовка была длинна для этого погреба, и он не мог стрелять из нее.

Странно, но я твердо знал, что не могу подойти к нему и сказать хоть что-нибудь. Я стал оглядываться и увидел у стены здоровенный железный лист. Я вцепился в ржавый зазубренный край и что было сил толкнул его. В погребе загрохотало не меньше чем от выстрелов.

Он выглянул из ниши и отпрянул — в каменную кладку ударила пуля, выглянул снова. Заметил приотворенную дверь и кинулся к ней, волоча ногу. Щель была узка для него, он принялся отбрасывать от двери всякий хлам, чтобы открыть ее шире.

Я стоял рядом с ним, видел его набухшие, тяжелые руки и совсем не удивлялся тому, что он не замечает меня. А он распахнул дверь и шагнул в провал, но тут же вернулся, схватил за ремень винтовку и снова начал спускаться. В это время за дверью погреба раздались чужие невнятные голоса и тяжелые удары по железу. Он задержался, поднял руку с пистолетом и раз пять или шесть, не целясь, выстрелил прямо в дверь, бросил пистолет на пол и исчез. Я успел разглядеть только металлические квадратики на его петлицах.

Голоса за дверью становились тише, и постепенно я расслышал тиканье будильника, потом увидел за окном фонарь на длинной бетонной ноге. Все было на месте — диван, сбившееся на сторону одеяло... И только слабый кисловатый запах дыма чувствовался в комнате, пока я не заснул. Но это было совсем недолго.

ЗЕЛЕНЬЕ

СТРАНИЦЫ

Оформление Т. Панкевич

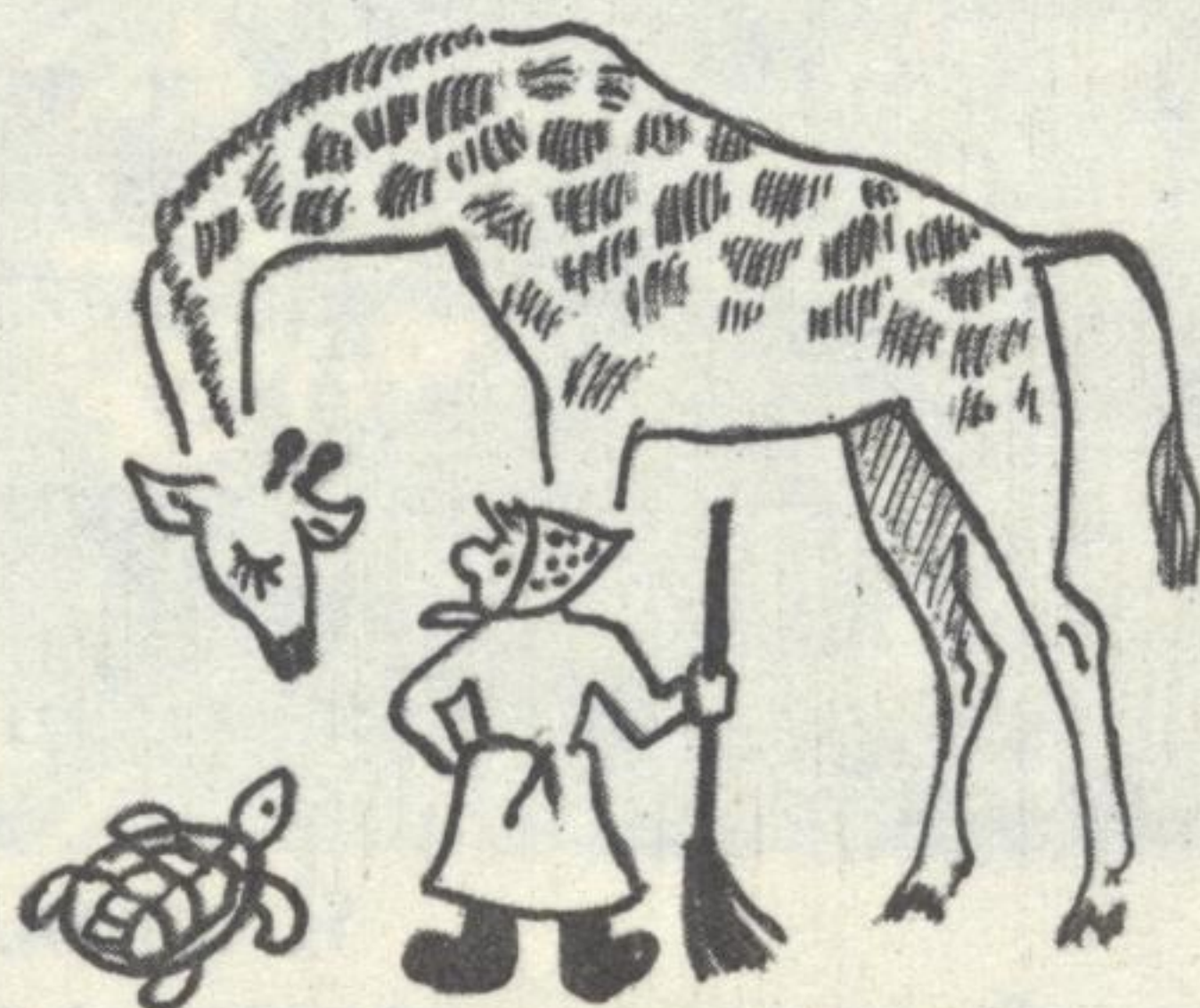
ЯНВАРЬ

Старый год кончился — новый начался... Год — что колесо с двенадцатью спицами-месяцами: промелькнут все двенадцать спиц, колесо сделает полный оборот — и опять мелькнет первая спица. А колесо уже не там — далеко укатилось...

Январь — месяц больших молчаливых снегов. Прилетают они все вдруг. Вдруг ночью зашепчутся, зашепчутся деревья — что-то творится в лесу. К утру станет видно: пришла настоящая зима! Лес утонул в дремучих сугробах...

В ЗООПАРКЕ

— Черепаха, а Черепаха! Заметила, какая у нас сторожиха смешная?

— Заметила, Жираф, заметила... Она — длинная-предлинная... Как кокосовая пальма... И ноги у нее — как ходули, дли-и-инные...

— И совсем нет! Наша сторожиха — крууугленькая. Как кокосовый орех. А ног у нее, считай, почти совсем нет!

— И врешь ты все, Жираф! Длиннющая! Мне снизу хорошо видно!

— Коротышка она. Уж я-то сверху не разгляжу! Коротышка!

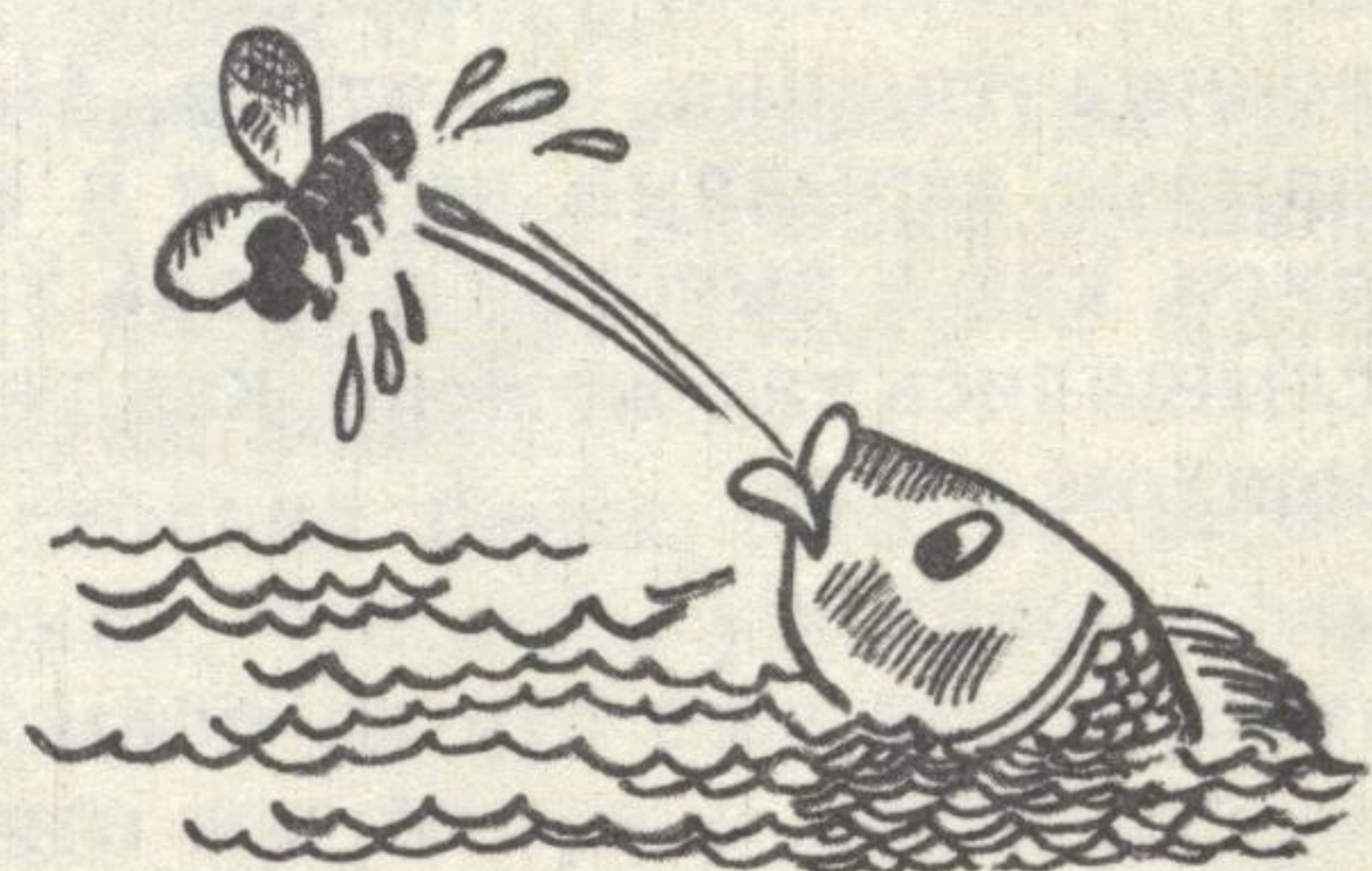
— Не спорь, Жираф, длинная. Меня все равно не переспоришь!

— Это почему еще?

— А потому, что мы, Черепахи, двести лет живем. Так что я тебя все равно, Жираф, переспорю...

— Слушай, Рыба заморская! Ты чего плюешься? Думаешь, привезли тебя к нам в зоопарк издалека, так можно и безобразничать?

— А... Это ты, Карась? Прости, пожалуйста... Только я не безобразничаю. Я себе пропитание добываю... Тьфу! Тьфу! Видал? Муху как раз на обед сшиб. А плююсь я водой. Наберу в рот побольше воды да с силой и вытолкну между губ. Точно в цель издалека попадаю. А приехал я в зоопарк с Индийского океана и зовут меня — Рыба-брызгун...

— Эй, Бегемот, ты на чем в зоопарк приехал?

— Я-то? Сначала на самолете летел. Для меня специаль-

История с магнитофоном

Как-то решили ученые понаблюдать за обезьянами и записать на магнитную пленку их разговоры — ворчанье, уханье, клохтанье и урчанье. Днем не запишешь — мешают посетители. Оставили магнитофон на ночь. И включили его. Утром посмотрели — нет магнитофона! Магнитофон не в клетке был оставлен, а метрах в полтора от клетки... Обезьянам лапой, ну никак не достать! Но обезьяны додумались. Из загородки выломали тонкий железный прут, согнули на его конце — крюк и подтянули к себе магнитофон...

Конечно, после того, как они магнитофон исследовали, пользоваться им уже было нельзя...

Этого в зоопарке нужно бояться

...Не волка, не тигра, не слона. И не медведя. И даже не ядовитых змей... Бояться нужно зверям добрых посетителей зоопарка. Тех самых, которые любят кормить животных булками, конфетами, колбасой, железками, медными монетами и даже, порой, лезвиями безопасных бритв...

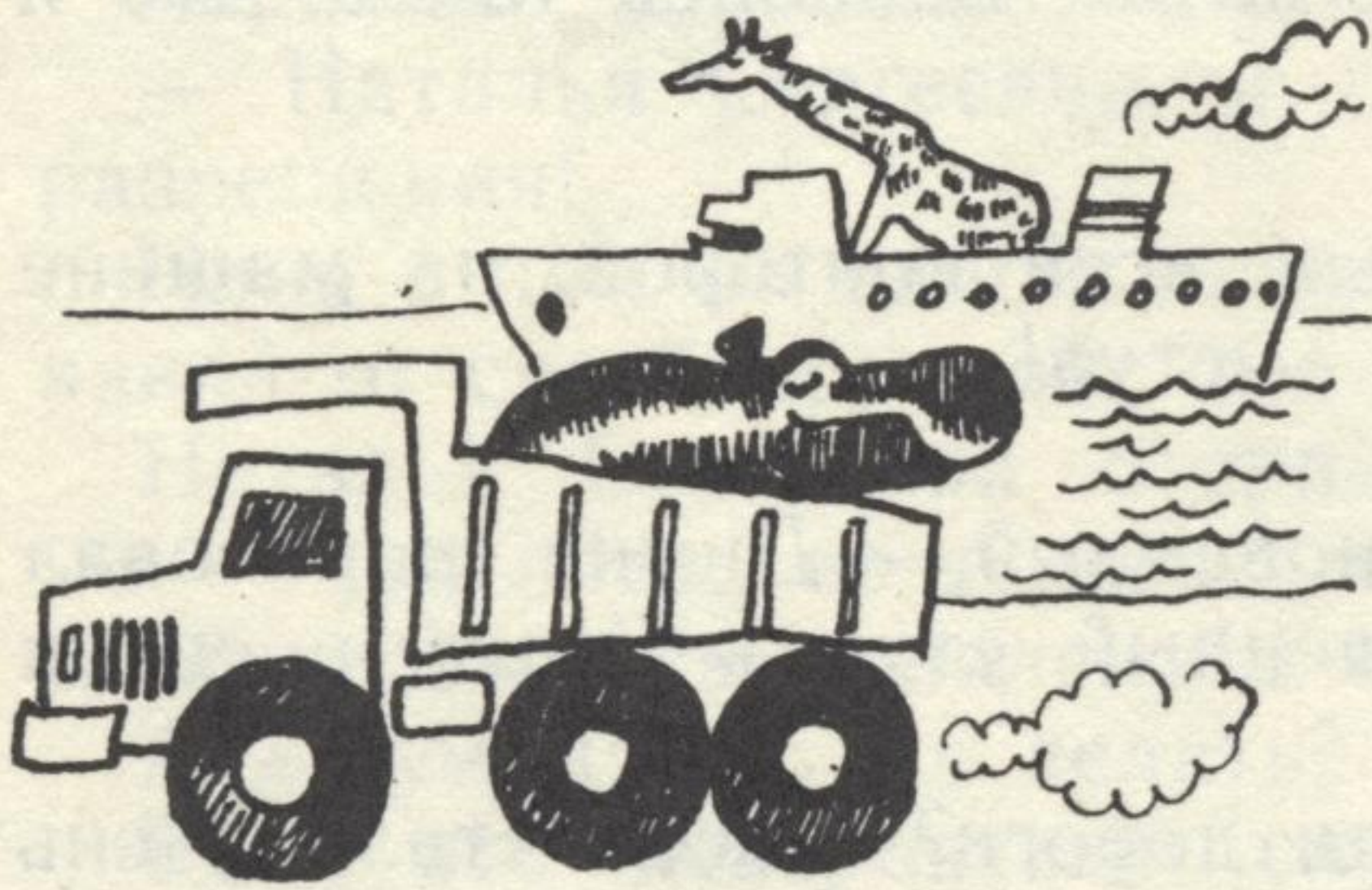
Недавно в зоопарке умер морской лев. В желудке его нашли несколько монет, брошенных в бассейн, оловянную чайную ложку (он принял её за мелькнувшую рыбку и проглотил) и большой толстый ржавый гвоздь... Даже опытным ветеринарам зоопарка спасти зверя не удалось...

ПОДСЛУШАННЫЕ РАЗГОВОРЫ

ный рейс заказывали. Потом в вагоне поезда ехал, тоже в особом вагоне. А потом — в автомобиле, в грузовом. Так и подкатил к воротам, как важная персона... А ты, Жираф?

— А я в самолет не влез и в вагон не поместился. Шея у меня длинновата, да и ноги тоже. Пришлось в зоопарк везти меня морем, на теплоходе. Как король ехал.

— А я, Хамелеон, в зоопарк прибыл — зайцем. Приехал прямехонько вместе с бананами в Морской Ленинградский порт. Чуть в холодильнике не замерз, еле оттаял. Не заметили меня в Африке во время погрузки. Бананы зеленые и я — зеленый. А здесь бананы пожелтели, и я пожелтел... Только меня все равно заметили. И сдали в зоопарк...

Очень много работы у поваров зоопарка. Повара там готовят для животных к обеду — шестьдесят блюд!

У каждого зверя ведь свои любимые кушанья. А некоторые без своего лакомого блюда просто жить не могут... Если, к примеру, в зоопарк попадет медведь коала из Австралии, то есть он будет только... листья эвкалипта. Да не просто листья эвкалипта, а именно с тех деревьев и из той части Австралии, где этот коала вырос...

Вот и готовят повара: кому — кашу на обед, кому мясной бульон, кому — фруктовый салат, кому — мед, а кому — муравьиные яйца с мясным фаршем...

Стихи пятиклассника Пети Кувшинкина на тему природы, сочиненные им в ноябре месяце.

Как на дубе, во поле
Каменки чирикали,
А на высоком тополе —
Мухоловки прыгали...
На краю оврага
Под кривой сосною
Лакомился ёжик
Лягушачьей икрой.
Дятлы на осине
Тюкали носами,

Птенчиков кормили
Майскими жуками...
Посреди полянки,
Где одни пеньки,
Весело резвились
Зайцы-беляки...
Очень радостно жить
Лесному народу.
Будь готов, пионер,
Охранять природу!

Петя Кувшинкин утверждает, что он в точности описал то, что видел в ноябрьском лесу. Так ли это?

КАК

НАРИСОВАТЬ

ФЕВРАЛЬ ?

Константин ВАСИЛЬЕВ

РАССКАЗ

Рисунки А. Борисенко

Было лето. А потом осень.

В ноябре сильные ветры дуют из степи, и приходится щуриться, чтобы угольная пыль не попала в глаза. У нас здесь степь вокруг и угольные шахты, а когда проходишь мимо кирпичного завода, то еще и кирпичная крошка летит в лицо. Вдоль завода забор, очень длинный, я каждый день там иду в школу и потом обратно из школы. И осенью, в ноябре, постоянно такое чувство, что не только снаружи, на улице, но и внутри у тебя как будто все вымело начисто этим степным ветром, все выскребло этой пылью и кирпичной крошкой... Даже как будто остались царапины.

Осень тоже кончилась.

Новый год наступил.

Теперь уже февраль... Да, а сегодня было рисование. Вернее, никакого рисования и не было, оно должно быть по расписанию, но рисовальщика в школе нет, так что нас обычно домой отпускают, а иногда приходит кто-нибудь из учителей и сидит с нами, делая вид, что урок вроде как состоялся.

На этот раз Наталья Сергеевна пришла. Она математичка. Она сидела за столом и проверяла тетради. А каждый занимался своими делами. Кто упражнения писал на завтра, кто бумажками

бросался. Я рисовал от нечего делать кружочки. И вдруг Нина рядом со мной садится! И мы целый урок вместе сидели.

Ну, а до рисования, естественно, другие уроки: алгебра, русский...

На перемене вокруг Димки Каштанова небольшая толпа собралась, он рассказывал про новое кино. Он вчера в шахтерский клуб ходил, там какую-то фантастическую картину крутят, про таинственное облако.

— Какое-то дурацкое облако появилось. Его изучают, понаехала целая контора ученых. Ну, приборы у них... А потом началось такое, что я припух: они едут...

— Кто?

— Ну, эти ученые, всей конторой, на машине по дороге, и вдруг — стул!

— Какой стул?

— Самый обыкновенный, — Димка нарисовал в воздухе обыкновенный стул. — Стоит посреди дороги.

— Стул? Посреди дороги? — всем стало очень смешно.

Я пошел вниз, на первый этаж. На перемене как-то не знаешь, куда себя деть. Я стоял просто так у окна на первом этаже и смотрел на улицу.

Ко мне Витька Малышев подошел.

— Ты слышал, космонавта запустили! Что, не слышал?

Он с большим удивлением на меня уставился: таких вещей не знаешь!

— Здорово, а?!— Витька интересуется такими делами: космосом, ракетами. Научные журналы читает. Он мне про Пушкина сказал, что Пушкин — это Пушкин, а по-настоящему хороший поэт только Лермонтов. И еще он про Нину как-то намекнул, что она вроде бы с кем-то целовалась. Сплетни про нее распускает. А сам недавно записку ей написал: мол, Нина, давай с тобой дружить... Не пойму я что-то этого Малышева.

Наталья Сергеевна появилась:

— В класс, все в класс!

И мы сидели в классе, делая вид, что это у нас урок рисования.

Я черкал по бумажке: кружочки, квадратики, всякие завитушки. Я вообще люблю рисование. Не как урок, а если просто для себя рисуешь: корабли, танки... Я взял чистый лист бумаги. Провел линию — это горизонт. На горизонте островок виднеется. Так, пока все отлично! Теперь парусник: сначала корпус, потом мачты... Нет, не то! Каким-то плоским вышел мой корабль. При этом совсем и не плывет, а будто прилип к воде.

Вывал из тетради другой листок. А первый рисунок порвал. По идее, можно было б на обратной стороне рисовать, но если хорошую картину задумал, то мне нужно именно так: на новой чистой бумаге, и чтобы все с самого начала до конца шло хорошо. Ну, приступим: горизонт, остров на горизонте, корпус, мачты...

Второй рисунок я тоже выбросил.

И сразу снова бросился рисовать. Потому что, когда не получается, хочется поскорее сделать так, чтобы получилось. Торопись. А сам уже злой — оттого, что с самого начала у тебя хорошо не вышло. И от этой злости, и от спешки — снова ничего не выходит!

Что же это у меня какая-то калоша вместо корабля? Я такое не люблю, я такое терпеть не могу, если какую-то вещь не могу в законченном виде сделать.

И тут: Нина! Подходит и — рядом со мной садится. Я даже как-то испугался сначала: зачем? Что ей надо? Скажет сейчас громко и насмешливо: «А я знаю, про кого ты сейчас думаешь — про меня! Что, влюбился, а?»

Малышев завозился, проскрипел насмешливо:

— Наталья Сергеевна, а Нинка пересела без разрешения!

Нина с ним на одной парте сидит, он допек ее какой-то своей ерундой, она и отсела от него...

Наталья Сергеевна оторвалась от тетрадей.

— Малышев, во-первых, не Нинка, а Нина. А во-вторых, ты занялся бы чем полезным.

А я думал: что же делать?

Ведь это невероятный случай представился, что мы с Ниной вот так рядом оказались, и мне теперь нужно как-нибудь так... ну, заговорить с ней, что ли. Потому что, если брать ежедневную обстановку, я ведь к ней не подойду, у меня нет

никакой причины, чтобы к ней подходить, а сейчас все само собой сложилось: сидим рядом. Она читает, я рисую.

Завитушки и кружочки, кружочки и завитушки... Нет, надо так сделать, чтобы Нина первая со мной заговорила, потому что если я первый заговорю, то она сразу что-нибудь подумает, вообразит, что я внимание к себе привлекаю, что чуть ли не влюбился. Думаю, для начала она может спросить: «Что ты там чертишь?» Отвечу: «Да так, глупости всякие». Разговоримся. После урока уже само собой получится, что из школы вместе выйдем. По городу прогуляемся, к шахтерскому клубу сходим... А потом уеду. Нет, не сегодня, а когда-нибудь потом — уеду, а она здесь останется, и все лезут к ней, пишут записки, со своей дружбой навязываются, но она проходит мимо всех, не обращая внимания, потому что думает только обо мне.

Завитушки и кружочки, кружочки и завитушки. Уже миллион кружочков я нарисовал и миллион завитушек, а Нина молчит. Что же она молчит? Может, все-таки мне первому заговорить? Но что сказать? Спросить: какую книгу читаешь?

Еще десять завитушек нарисую, тогда и спрошу. Или лучше двадцать. Да, двадцать завитушек. Может, все-таки парусник нарисовать? Нарисую, она сразу заинтересуется: смотри-ка, Яковлев целую картину создал красивую.

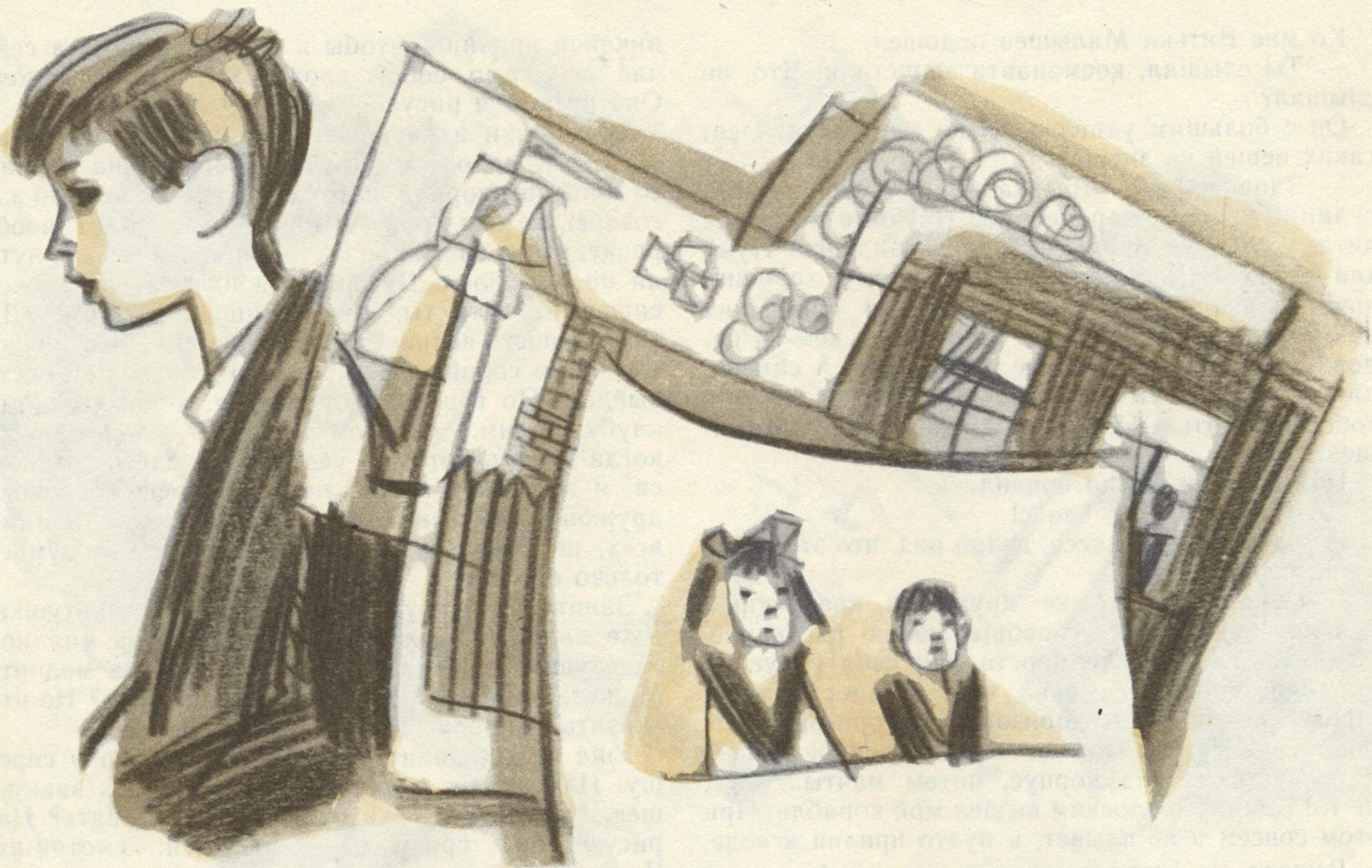
Нина вдруг засмеялась. Ей что-то смешное в книге попало. Я повернул голову, как бы слегка заинтересовался. Нина пододвинула книгу ко мне, показала то место, где надо читать. Я пробежал глазами. Ничего не понял: какие-то скалы, какой-то Грушницкий. Но для Нины я все равно улыбнулся и кивнул головой: да, смешное место, действительно смешное! Еще раз пробежал торопливо: там, в общем, какой-то капитан говорит какому-то Грушницкому, что жизнь — это, мол, индейка, а судьба — копейка...

Звонок зазвенел, Нина ушла со своей книгой. Все в коридор повалили. Я тоже потащился — в коридор и вниз по лестнице, и потом во двор. Толпа распалась: кто в эту сторону, кто в другую. На улице было темно и падал снег.

Домой? Какой-то автобус подъехал к остановке, я в него сел. Мы проехали по многим улочкам и выехали к шахтерскому клубу. Клуб сильно освещен. Я вышел. На афише было написано: «Таинственное облако». Я купил билет.

Это тот самый фильм, который Димка Каштанов сегодня в школе раскритиковал.

Загадочное облако повисло над землей, и в том районе начинают происходить странные вещи. Ученые приезжают для изучения, но ничего не могут понять, и с ними тоже всякие странности случаются, главный герой открывает дверь, чтобы в лабораторию войти, но вдруг оказывается не в лаборатории, а на лесной поляне! В жизни, конечно, такого не бывает... Но при чем тут жизнь! Каштан именно так рассуждает: в жизни такого нет, значит — это чушь! А я ему скажу: это фантастика! Это же специально придумано, чтобы... ну, чтобы интересно стало. Потому что ты ходишь каждый день по одной и той же улице, видишь

обыкновенные дома, учебник мусолишь, а потом и в кино тебе показывают: тоже улица, тоже дома, герой в школе сидит, учебник мусолит... Надоело!

И эта дверь значит: открывая ее, совсем не знаешь, в какое место в следующий раз попадешь: в прошлое или в будущее, или вдруг этот главный герой на какой-то общей кухне очутился, где куча людей топчется, где варят, парят, кто-то жует, приткнувшись к углу стола, кто-то белье развешивает у тебя перед носом...

И все действие в степи происходит. Даже на пустыню эта местность скорее похожа. Вдали холмы виднеются. Не совсем понятно, почему таинственное облако именно над этим пустынным районом повисло, а не над каким-нибудь большим городом, потому что, если это неземная цивилизация, ей ведь контакт с людьми нужен, ей ведь человеческую жизнь нужно изучать. А тут в степи только маленькие поселки. Да, в первых эпизодах эти ученые несутся на машинах по дороге, чтобы скорее облаком заняться, чтобы его секрет раскрыть, и вдруг — стул у них на пути! Прямо посреди этой пустой дороги в степях. Что все это означает?

Главный герой уже даже боится: куда его занесет в следующий раз? За ручку двери взялся, а открыть не решается. На этом фильм и заканчивается, оставляя его в нерешительности...

Свет зажегся, мы вышли из зала. Рядом со мной кто-то сказал:

— Ну и ерунда!

Одна девушка хихикала. Она с парнем, парень все время ее обнимает. Во время сеанса они на моем ряду сидели с краю, целовались в темноте.

— Побежали! — парень потащил девушку на

остановку. Водитель подождал, пока все добегут, и только потом закрыл дверь. И они поехали, а я пошел пешком. В домах светились окна. Желтые окна и зеленые, и розовые, в зависимости от занавесок. И за каждой занавеской своя отдельная жизнь: едят, читают, говорят... А на кирпичном заводе за забором, как всегда, шумят моторы и голая лампочка горит, освещая какие-то трубы, лестницы, проемы...

Я думал про кино, которое только что посмотрел. Потом про завод думал: хожу мимо этого завода каждый день — осенью, зимой... Семь лет по этой дороге вдоль забора! А домой вернусь сейчас, нужно будет садиться за уроки. И про космонавта вдруг вспомнил: он летает в космосе совсем один в железной капсуле. А про сегодняшний случай в школе не хотелось вспоминать почему-то. Про то, как Нина рядом со мной сидела на рисовании. Уходя, она закрыла книгу, и я заметил название на обложке: «Герой нашего времени». Я не читал. Я знаю, конечно, — «Герой нашего времени», Лермонтов написал, классика, как говорится. Мы только на следующий год будем Лермонтова проходить, а Нина уже сейчас читает. Причем, с интересом читает, по-серьезному, даже как-то так по-взрослому, а ты в это время какие-то детсадовские завитушки по бумаге выписываешь. Она как бы старше оказалась по сравнению со мной, хотя на самом деле мы одного возраста. Она даже и младше, если по-настоящему. У меня в феврале день рождения, а у нее только в мае. Пятого мая. Я знаю, потому что слышал, как Витька Малышев к Нине как-то прицепился:

— Когда у тебя день рождения?

— Зачем тебе?

Он хихикает:

— Хочу подарок тебе сделать.

И как-то совсем запросто с ней разговаривает, даже еще норовит за плечи обнять вроде как подружески. Вроде как в шутку все, но своего добивается, пристал:

— Ну, так когда? Хочу тебе подарок сделать.

Нина не стала ему говорить. Но потом сказала, чтобы от него отделаться:

— Пятого мая.— И как бы для приличия спросила:— А что собираешься дарить?— Чувствуется, что не нужны ей вовсе Витькины подарки, и вообще, только из вежливости с ним разговаривает.

— Книжку,— сказал Витька.— Знаешь, про что? Про любовь!

И как-то так по-особенному в глаза ей заглядывает: мол, ты ведь любишь книжки про любовь, а? Нина только засмеялась: мол, дурак ты, Малыш! Потом, в мае, он действительно притащил ей какую-то книжонку, то ли «Роковая любовь», то ли еще как-то. Нина взяла... А мне казалось, что она откажется, причем даже как-то так... швырнет эту книжку: не нужны мне, Малышев, твои глупости.

Дома я разложил учебники. Но ничего не учил. Рисовал кружочки... Завитушки и кружочки, и еще квадратики. Потом взял большой лист бумаги. Провел линию — это горизонт. А вдали — холмы. Здесь домики — это поселок. Плохо, что я людей не умею рисовать. Не получаются у меня люди, сколько ни пробовал. Мне надо выучиться рисовать людей, и сделать, наконец, что-нибудь такое... настоящее. Чтобы не какая-то пирамидка и не яблоко на тарелке. Если яблоко, я его запросто изображу, да только зачем? Нет смысла бумагу портить из-за ненужных яблок, а надо сразу что-то большое. Например, изобразить, ну, вот мы сидели сегодня с Ниной рядом, Нину нарисовать, себя... только как передать, что мы не просто два школьника за партой, а я собирался сказать ей что-то, но так и не сказал, да и не знал, какие, собственно, слова нужно произнести?

Потом кино, дорога, забор завода... Нарисую забор, но никто не поймет, что это не просто кирпичная стенка, а что я хожу вдоль нее семь лет подряд. И вот сейчас зима, но должно чувствоваться, что до этого была осень, а еще до этого лето, и вообще, было время, когда меня совсем не было на свете. И освещенные окна: людей не видно, но они угадываются, они есть там в своих комнатах: кто они, какие? И всех людей много, они вроде одинаковые, если со стороны посмотреть, но в то же время каждый из них какой-то единственный... Да, и космонавт! Мы здесь всего лишь за стенкой друг от друга, всего лишь через улицу, а он совсем один в темноте над Землей, он как бы выше всех, но и в полном одиночестве из-за этого. И смотрит вниз и ему, наверно, видны огоньки: это города, а если маленький городок, то и не разглядеть, и в этом невидимом городке кто-то, побывав в школе и сходяв в кино, сидит вечером в каком-то доме в одной из квартир... Как мне все это нарисовать?

ВОРОБУШКИ

Марина ТАХИСТОВА

Воробушки, как шарики на елку,
Уселись на балкон и без умолку
Чирикают и скачут снизу вверх!
И крошки хлеба, словно хлопья снега,
Летят к ним прямо с праздничного неба,
А за окошком слышен детский смех.
Там ребята наряжают елку:
Шумят, кричат, толкаются без толку,
А елка все еще не зажжена...
Но Дед Мороз пришел с дороги дальней,
Ветвей коснулся палочкой хрустальной,
И загорелась весело она!
И началась такая кутерьма:
Поют, танцуют, хлопают в ладошки,
Но не забудьте приоткрыть окошки
И бросить хлеба... Чудная зима!

Рисунок О. Недзвецкой

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Премии журнала «Костер»,
установленные ЦК ВЛКСМ
за лучшие произведения, напечатанные в журнале
в 1984 году,
ПРИСУЖДЕНЫ:

писателю Евгению ГАВРИЛОВУ (Барнаул), за рассказ «Колесо обозрения», опубликованный в № 4;
журналисту Юрию ПАРАМОНОВУ (Ленинград), за очерки «Ледовый мост», «Машинист, вам зеленый!» и рассказ «Когда нас позовут», опубликованные в №№ 2, 7, 9.

художнику Александру БОРИСЕНКО (Ленинград), за рисунок обложки № 11 и иллюстрации к повести В. Ионовой «Разбуди меня» (№№ 10,11).

ГАВРИЛОВ Евгений Сергеевич. Родился в 1955 г. в пос. Зимовники Ростовской области.

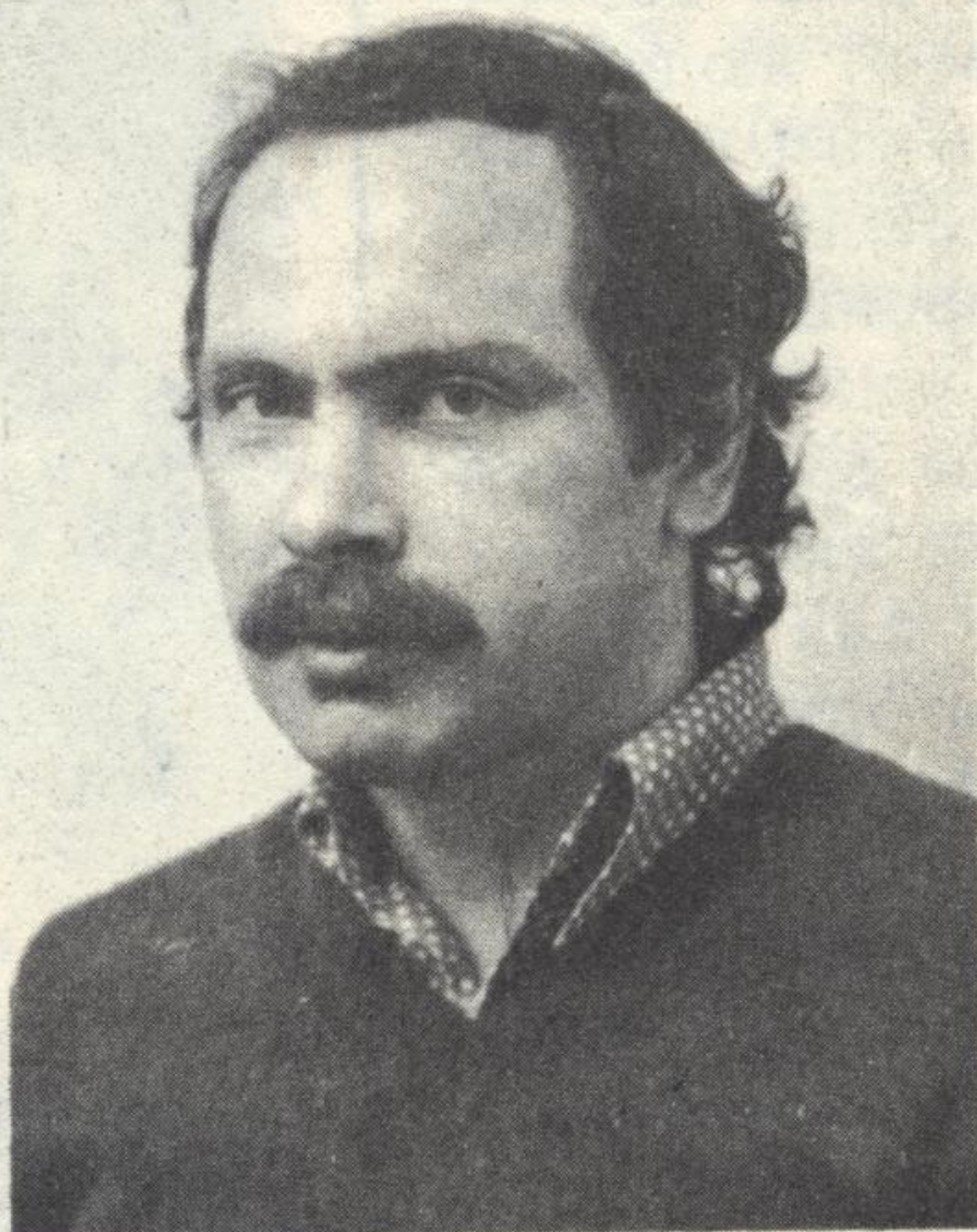
После окончания средней школы работал слесарем-лекальщиком, контролером на мебельной фабрике. В 1979 г. окончил историко-филологическое отделение Алтайского государственного университета. Живет и работает в г. Барнауле.

ПАРАМОНОВ Юрий Иванович. Родился в 1935 году. Работал в районах Крайнего Севера, осваивал новые газовые и нефтяные месторождения Тюменской области и Коми АССР. В «Костре» опубликованы его очерки «Уголь Горловки», «Ледовый мост», «Машинист, вам зеленый!» и рассказ «Когда нас позовут».

БОРИСЕНКО Александр Васильевич. Родился в 1946 году. После окончания школы в г. Тамбове поступил в Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина. Работал в издательствах Ленинграда. В «Костре» сотрудничает с 1978 г.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПЕСНИ

ПЕСНЯ— БОРЕЦ

В. СУСЛОВ

Среди песен-борцов первой стоит на правом фланге «Интернационал» — песня пролетарского братства трудящихся всех стран, гимн партии коммунистов.

Владимир Ильич Ленин писал об этой песне: «В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забросила его судьба, каким бы чужаком ни чувствовал он себя, без языка, без знакомых, вдали от родины, — он может найти себе товарищей и друзей по знакомому напеву «Интернационала».

В кремлевской квартире Владимира Ильича на книжной полке стоял и старенький сборник стихов, вышедший во Франции еще в 1887 году, — «Революционные песни» Эжена Потье. Среди других стихов была в сборнике и «Всемирная рабочая песня» — давшая начало славному правофланговому «Интернационалу».

И, если рассказывать биографию одного из создателей этой величайшей из песен, то тоже лучше Ленина не скажешь. В 1913 году в газете «Правда» он написал о нем коротко, но со всей полнотой: «...рабочие всех стран чувствуют теперь Евгения Потье. Его жена и дочь еще живы и живут в нищете, как жил всю жизнь автор «Интернационала». Он родился в Париже 4 октября 1816 года. Ему было 14 лет, когда он сочинил свою первую песню, и эта песня называлась — «Да здравствует свобода!». В 1848 году, в великой битве рабочих с буржуазией, он участвовал как баррикадный борец.

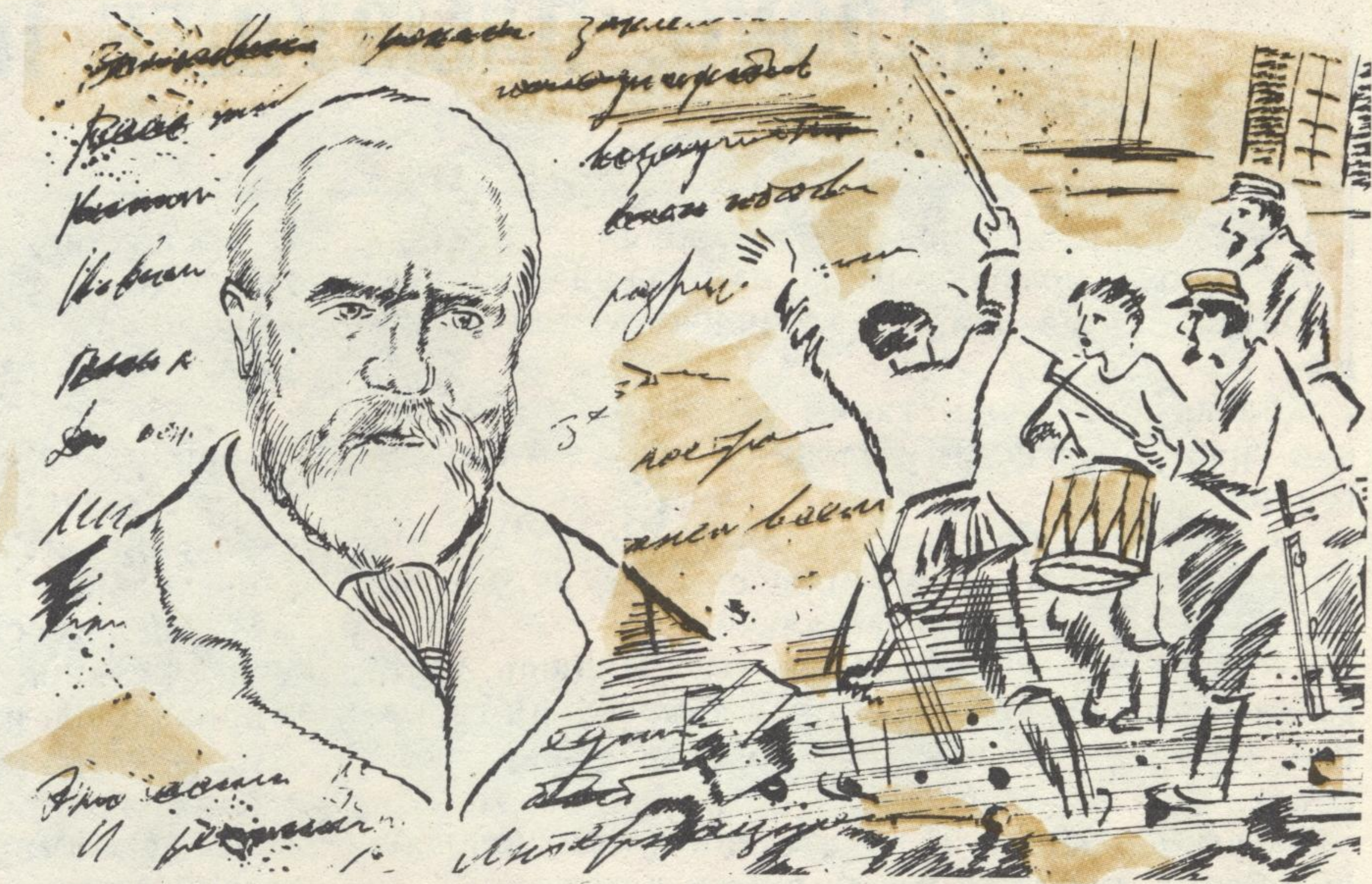
Потье родился в бедной семье и всю жизнь оставался бедняком, пролетарием, зарабатывая хлеб упаковкой ящиков, а впоследствии рисованием по материи.

Во время великой Парижской Коммуны (1871 г.) Потье был избран ее членом. Он участвовал во всех мероприятиях Коммуны, этого первого пролетарского правительства.

Падение Коммуны заставило бежать Потье в Англию и в Америку. Знаменитая песня «Интернационал» написана им в июне 1871 года, на другой день, можно сказать, после кровавого майского поражения.

Коммуна подавлена... а «Интернационал» Потье разнес ее идеи по всему миру, и она жива теперь более, чем когда-нибудь».

Стихи Эжена Потье положил на музыку другой рабочий Пьер Дегейтер. Был он мебельщиком и резчиком по дереву и еще — большим любителем музыки. Чаще всего он сочинял песни и куплеты на свои слова, сам их и пел в кафе и кабаках — «бистро», где любили собираться рабочие Парижа.

Дегейтер тоже был участником Парижской Коммуны, так же вынужден был бежать от ее палачей. В 1888 году, живя в городе Лилле, он купил сборник стихов Потье «Революционные песни». Возможно, того же издания, что стоял на книжных полках у Владимира Ильича. Дегейтер не только прочитал стихи своего соратника по борьбе, одно из них он положил на музыку.

Песня, созданная двумя рабочими людьми, впервые была исполнена лилльским хором рабочих хорového общества «Лира трудящихся» на празднике продавцов газет 23 июня 1888 года. Отсюда он и разлетелся сначала по всем департаментам Франции, а потом и по всем государствам Европы.

Рисунок А. Ветрогонского

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Вставай, проклятьем заклеимённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

• ПРИПЕВ:

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Никто не даст нам избавленья —
Ни бог, ни царь и не герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнёт рукой умелой,

Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо.

ПРИПЕВ:

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землёй имеем право,
Но паразиты — никогда.
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас всё так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

ПРИПЕВ:

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!

ЯБЛОКО, ПЛЫВУЩЕЕ ПО ВОДЕ

ТУРКМЕНСКАЯ СКАЗКА

Рисунки О. Филипенко

По арыку плыло красное яблоко.

А в поле помогал отцу маленький мальчик. Он яблоко увидел, обрадовался, достал из воды.

Яблоко оказалось таким сладким, что мальчик сразу съел почти половину, да тут мальчику говорит отец:

— Вкусный приплыл гостинец! Но за то, что он у тебя в руках, ты даже спасибо не сказал.

— Кому?!— удивился мальчик.

— Тому, кто яблоко вырастил... Видишь,верху арыка зеленеет сад? В саду есть хозяин-садовник. Яблоко с его яблони. Пойди и скажи этому садовнику: «Спасибо!»

Мальчик, держа в руке оставшуюся половинку яблока, побежал вдоль арыка в сад.

Там подвязывал тяжелые ветви яблонь молодой садовник.

— Ага-джан, не из вашего ли сада приплыло яблоко?

— А зачем тебе знать?

— Затем, чтобы выполнить наказ моего отца. Сказать хозяину яблони спасибо.

Засмеялся молодой садовник:

— Чудак твой отец! Из-за пустяка заставил тебя бежать через все поле... Да и не мое это яблоко, а, похоже, из сада среднего моего брата. Он живет отсюда еще через одно поле...

Мальчик побежал вдоль арыка к другому саду.

А там подставлял подпорки под грузные ветви яблонь садовник годами постарше, чем первый.

— Уважаемый ага! Не из вашего ли сада приплыло по арыку вот это красное яблоко?

— Не из моего... Такие яблоки растут лишь в саду старшего в нашей семье брата. Он живет через другое отсюда поле.

Мальчик помчался через третье поле.

Там в саду работал садовник совсем уже в годах, совсем седой.

— Почтенный ага! Приплыло ко мне яблоко. Не с ваших ли оно яблонь?

Седой садовник глянул на красную половинку и сказал:

— Это яблоко из моего сада, с моей самой лучшей яблони.

— Тогда спасибо вам, почтенный ага!

Садовник положил на голову мальчика загорелую ладонь, посмотрел в глаза.

— Ты сам придумал бежать с этим спасибо?

— Нет! Сам я лишь поймал яблоко в арыке и съел половинку. А отыскать вас и поблагодарить велел мне отец.

— Умница твой отец! Молодчина и ты, что отца не ослушался. Теперь эту половинку съешь при мне, и даю слово: ты станешь надежной опорой отцу, вырастешь точь-в-точь, как он, таким же толковым...

Так и случилось.

В скором времени по всей той округе пошел слух, что семилетний сын здешнего простого кре-

стьянина на удивление толков. Отец даже берет его с собой на базар продавать урожай хлопка, и ни один самый хитрый, самый скупой купец-перекупщик не может мальчика обмануть.

Многие, конечно, не верили этому. Многие говорили — отец сам все подсказывает мальчику. Да вдруг вот на глазах у всего селения, где стоял дом мальчика и его отца, приключилось удивительное событие.

Почти под самый вечер, но еще засветло, вошел в селение никому не ведомый старик. Вид у старика был измученный. В руках — небольшой сундучок, а вокруг шеи обвилась толстая, со злыми глазами змея.

Все, кто был на улице, кинулись прятаться, а старик кричит:

— Не убегайте, добрые люди, помогите! Мне лишь надо спросить два-три слова!

Но добрые люди дрожат, выглядывают из-за дальних углов. К старику со змеей подошел только тот семилетний мальчик.

Старик рад и мальчику. Спрашивает немедля:

— Скажи, милый мальчик, на добро отвечают злом или добром?

И старик торопливо рассказал, что он выкопал случайно вот этот сундучок, отпер его, а там — крошечная, юркая змейка. Она хлебнула чистого воздуха, вмиг выросла, вспрыгнула старику на шею, обвилась и зашипела: «Задуш!» «Но я ведь тебе сделал добро... Пощади!» «Не пощажу! На добро отвечают злом. Так делают все. Спроси об этом, старик, хоть у первого встречного!» Первым нам попало на глаза иссохшее тутовое дерево. Оно проскрипело: «Да! На добро отвечают лишь злом. Я вскормило своею листвою хозяину целую тьму червячков-шелкопрядов, хозяин на шелке разбогател, а меня теперь думает срубить и сжечь в печке...» Вторым встречным оказался дряхлый верблюд. Он простонал: «Я своему хозяину служил тоже много лет, а теперь он надумал лишить меня жизни, потому что я стар. Он даже мне спасибо ни разу не говорил, и, выходит, змея — ох! права!»

— Я права вс-с-егда!— просвистела тут змея, перебивая старика, и сама человеческим голосом сказала мальчику:— А твой ответ каков? Говори скорее! Мне уже надоело откладывать свое справедливое решение!

И змея еще туже обвилась вокруг шеи старика, и мальчик сказал поспешно:

— Ответ мой будет! Но я вот очень удивляюсь, откуда ты такая справедливая все же на свет к нам явилась?

— Тебе сказано: из сундучка!

— Не верю!— пожал плечами мальчик.

Он выхватил из рук несчастного старика сундучок, раскрыл, поставил на землю, оглядел так и этак.

— Не верю! Сундучок для тебя слишком тесен. Ты говоришь неправду!

— Ах, я лгу?!— возмутилась змея и прынула с шеи старика на землю, выпустила из себя воздух, стала опять юркой змейкой и свернулась в сундучке кольцом.

— Теперь видишь?

— Теперь вижу,— говорит мальчик.— Но все равно твоя голова торчит выше крышки. Голова в сундучке не помещается.

— Пожалуйста!— говорит змея.— Поместится и голова!

Она спряталась в сундучке вся с головой, и мальчик тут же захлопнул крышку и защелкнул замок.

— Вот так-то!— сказал мальчик.— А теперь, змея, слушай мой ответ... Отзывается на добро полагается только добром! А кто не желает за добро сказать даже спасибо, кто думает только

о себе, тот рано или поздно себя же и накажет. Ты, змея, хотела очень плохого доброму старику, — так пусть будет плохо тебе.

И тут несчастный старик, хотя и был старше мальчика ровно в двенадцать раз, низко поклонился мальчику:

— Я обязан тебе жизнью!

А добрые люди опять все сбежались, опять все на сельской улице собрались и сказали хором:

— Этот наш мальчик-земляк в самом деле очень смел и, главное, очень толков! Откуда что только у него взялось?

А мальчик глянул на своего отца в толпе, улыбнулся:

— Все началось с того, что мы работали с отцом в поле, а по быстрой воде, по арыку, приплыло красное яблоко...

Пересказал Л. КУЗЬМИН

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Главный консультант Герой Советского Союза генерал-лейтенант Д. А. МЕДВЕДЕВ

СОРОК ЛЕТ НАЗАД

БУДАПЕШТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В историю Великой Отечественной войны эта операция вошла как одна из самых продолжительных и ожесточенных. Она проходила с октября 1944 года по февраль 1945 года и закончилась полным разгромом 200-тысячной группировки гитлеровцев.

На рисунке-схеме ты видишь направления основных ударов войск 2 и 3 Украинских фронтов. Войсками 2 Украинского фронта командовал Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский, войсками 3 Украинского фронта — Маршал Советского Союза Федор Иванович Толбухин.

Вместе с советскими войсками в Будапештской наступательной операции принимали участие болгарские и румынские войска, а также венгерские добровольцы.

Медаль «За взятие Будапешта» была учреждена 9 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР.

ВАРШАВСКИЙ ДОГОВОР

Так называется оборонительный союз братских стран социализма. Он был заключен в 1955 году в ответ на создание империалистическими державами агрессивного военно-политического блока НАТО.

Членами Варшавского договора являются Болгария, Венгрия, Германская Демократическая Республика, Польша, Румыния, Советский Союз и Чехословакия.

ЮНАРМЕЙСКАЯ УЧЕБА

МАСШТАБНЫМИ УСЛОВНЫМИ ЗНАКАМИ изображаются такие местные предметы, которые выражаются в масштабе карты. Их размеры можно измерить на карте. Например, площадь леса и болота. Каждый масштабный условный знак состоит из контура, то есть границы площади данного

предмета, и дополнительных обозначений внутри его. Эти обозначения показывают, что находится в контуре: кустарник, луг, озеро или пруд. Контур вычерчивается точками (пунктиром) или сплошными линиями.

Сплошными линиями показываются контуры озер, широких рек, а

контуры леса, луга, болота, огорода — пунктиром. Пунктир не вычерчивается, если контуром местного предмета служат дороги, каналы, изгороди.

Нарисуй масштабные условные знаки: фруктового сада, реки, озера, парка.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ АРМИИ

ЗАЩИТНОЕ ВООРУЖЕНИЕ

Эти щиты, панцири, кольчуги и шлемы русские воины носили в IX—XII веках.

В начале XIII века шлем заменяется ерихонкой, шишаком или колпаком, а на кольчуге укрепляются металлические доски. Появляются бай-

дан (кольчуга из плоских железных колец), бахтерец (кольчуга из металлических пластин, соединенных кольцами), тегиляй — кафтан с высоким воротником на пеньковой подкладке, под которую подшивались полоски железа.

Зерцало и латы — это уже XVII век.

Зерцало — броня без рукавов, составленная из передней и задней половинок. А латы или кираса — пластинчатый доспех воинов тяжелой конницы.

Кирасы в русской армии существовали и в XIX веке, но служили главным образом для украшения, а не для защиты.

Оформление Б. Аникина

Веселый ЗВОНОК

Составил и оформил Л. Каминский

В это воскресенье я не спал до десяти, как обычно по воскресеньям, а встал рано и принялся готовить свои лыжи: смазал их мазью, подтянул крепления. Потом покатался немного во дворе — проверил, как они скользят.

Тут подходит ко мне мой одноклассник Денис и спрашивает:

— Тренируешься?

— Тренируюсь,— говорю.— А ты почему не тренируешься?

— А зачем? Я и так на сегодняшних соревнованиях займу первое место!

Меня, честно говоря, задела его самоуверенность.

— Ну, это мы еще посмотрим,— говорю.

— А что, может, ты собираешься быть первым?— усмехается Денис.

— Может, и собираюсь,— отвечаю.

— И не думай! У тебя вон и лыжи, как деревянныешки, а у меня настоящие, гоночные!

В десять часов пришел я на школьную площадку, а там уже народу собралось! Почти весь наш класс пришел — поболеть за своих, то есть за меня и Дениса.

И вот дали старт. Некоторые мальчишки сразу бросились вперед. А Денис не спешит. И я не спешу, иду за ним — лыжа в лыжу. Прошли так несколько кругов, и тут Денис делает рывок. Я стараюсь не отстать от него, хоть уже и притомился. Дышу тяжело, как паровоз, а Денис будто только что бежать начал — идет свободно, размашисто.

— Де-нис!.. Ва-ле-ра!..— кричат наши одноклассники.

И вдруг Денис как-то странно взмахивает руками и падает! У него сломалась лыжа!

Я с разгона проскочил мимо него, но тут же остановился. Кто-то из соперников налетел на меня, ругнулся и помчался вперед. А я подъехал к Денису, сбросил свои лыжи и говорю:

— Немедленно надевай мои лыжи!

Он на меня посмотрел, будто я с неба свалился.

— А ты?— спрашивает.

— Я устал,— говорю,— видишь, меня уже несколько человек обогнало. Ты что, хочешь, чтобы наш класс проиграл?!

Он вскочил, стал на мои лыжи и побежал.

— Де-нис! Де-нис!— с новой силой завопили наши.

А я взял под мышку Денисовы лыжи и пошел к ребятам.

После гонки все поздравляли Дениса с победой. А он подошел ко мне и сказал:

— Извини, Валера, что я твои лыжи «деревяшками» назвал. Они у тебя замечательные!

АНАТОЛИЙ САВЧУК

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Алёша Троповит сидит на коне. Он тёмно-коричневый.

Желтые листья медленно летели в тёплые края.

Я уткнулась носом в подушку и совсем слышусь.

Котёнок был весь белый, только голова, лапки, живот и хвост были чёрными.

По дороге лошади везли сено, которое они заготовили летом.

Прислали: ТАНЯ ЮГОВА (ПЕРМЬ), ЛЕНА ГАВРИЛИНА (ТУЛЬСК. ОБЛ.), ЛЕНА УЮСОВА (г. ШЕВЧЕНКО), ДИМА КУЗНЕЦОВ (г. БРЕЖНЕВ), ИРА ШЕРШНЁВА (КУРСКАЯ ОБЛ.), ЛЮДА МАТЮШИНА (ЗЛАТОУСТ).

БЕСКОНЕЧНЫЕ СТИХИ

Витя в класс вбежал вприпрыжку,
на ходу портфель открыл.
И увидел тут, что книжку
по истории забыл!

Витя к дому побежал,
дома книжку отыскал.
Снова в школу поспешил,
но теперь — пенал забыл!

За пеналом побежал,
под столом нашел пенал.
Во дворе припомнил вдруг,
что не выключил утюг!

Он вернулся чуть не плача,
отключил утюг горячий.
Только вышел на проспект,
посмотрел — портфеля нет!

Он вернулся за портфелем,
и скорее — за порог.
Так спешил, но еле-еле
на второй поспел урок!

Витя в класс вбежал вприпрыжку,
на ходу портфель открыл.
И увидел тут, что книжку
по грамматике забыл!

Конкурс „И все засмеялись!“ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Вот начался новый год, и я опять с нетерпением жду ваших писем. Я очень рад, что конкурс вам нравится. Один читатель — Игорь В. из города Мурманска мне так написал: «Я, как только получаю журнал, сразу открываю страницу с конкурсом «И все засмеялись!» Я очень люблю смеяться и смеюсь так, что со стула падаю!»

Игорь, мне приятно, что ты любишь смеяться. Но со стула падать совсем не обязательно: это может кончиться печально.

Кстати, все ли знают, в чем состоит наш конкурс? Для тех, кто впервые читает наш журнал, сообщая:

1. На конкурс присылаются смешные истории, которые произошли в классе, дома, на улице и т. д.

2. Последняя фраза вашего рассказа должна быть такая: «И все засмеялись!»

3. Размер рассказа — не больше тетрадной страницы. В письме обязательно указывайте имя, фамилию, класс и точный домашний адрес.

4. Запрещается посылать рассказы, которые были уже напечатаны где-то ранее.

5. За лучшие рассказы в конце года присуждается приз: веселая книжка.

Вот и все, дорогие юмористы! Желаю вам успеха!

Учитель
смеха

Интересный опыт

На уроке физики нам демонстрировали опыт с ртутью. Потом мы делали выводы. К доске пошел Дима. Он все отвечал правильно, но в конце сообщил следующее:

—...После того, как трубку с ртутью перевернуть и опустить в чашку, заполненную ртутью, ртуть в трубке начнет подниматься вниз.

И все засмеялись!

Таня Рыбина,
с. Памятное
Курганской области

Лисица и волк

Было это в четвертом классе. Наш учитель Михал Михалыч вызвал к доске ученика и продиктовал предложение: «Лисицы живут пятнадцать лет, а волки — десять».

Ученик написал первое слово так: «Лесицы».

— Разве это слово так пишется? — спросил учитель. — Проверь-ка его, подбери родственное слово!

Ученик молчал.

— Ну, — решил помочь учитель, — она лисица, а он?..

— Волк! — выпалил ученик, и все засмеялись.

Наташа Аксенова,
Первоуральск

Берегутама

Учитель истории Петр Ефимович вызвал меня к доске и попросил рассказать о Петре Первом. Я сказала:

— Он был высокого роста.

— Кто он? — спросил учитель.

Я хотела сказать: «Петр Первый», но совершенно неожиданно произнесла:

— Петр Ефимович...

И все засмеялись.

Вера Янковская,
с. Пухальское
Кокчетавской области

Странная расписка

На уроке русского языка мы учились составлять разные документы. Учительница дала нам задание написать расписку. Один мальчик поднял руку и стал читать: «Расписка. Я, Попов Сергей, получил лыжи для соревнований». И добавил: «Дата — 25 июня 1984 года».

И все засмеялись!

Лена Дудина и
Оля Щербакова,
г. Горький

ЧТО ТАКОЕ АРЧЕБЕК?

АРЧЕБЕК — Армия Разведчиков Черно-Белых Клеток.

Вступившие в АРЧЕБЕК получают от главнокомандующего, шахмат-адмирала Ферзьбери боевые задания и, выполняя их, достигают в шахматах (ШХМ), в русских шашках (РШ) и в международных шашках (МШ) такой силы, что выполняют спортивный разряд и становятся чемпионами класса, школы, а то и города.

В приеме в АРЧЕБЕК не отказывают никому! Кто умеет играть, того сразу зачисляют разведчиком, а кто пока не умеет — попадает в особый Отряд резерва, где проходит подготовку.

Все арчебековцы получают право выступить в сражениях —

а) Чемпионата АРЧЕБЕКА (открывается в этом номере),

б) конкурса «Майский приз» (в № 5),
в) конкурса «Новогодний приз» (в № 12),

г) конкурса «Я — композитор!» (составление задач, в № 7).

д) конкурса «Первый шаг» (в № 9).

Победители этих соревнований награждаются!

ОТКРЫВАЕТСЯ ЧЕМПИОНАТ АРЧЕБЕКА!

Вот пять условий чемпионата.

1. Турниров будет три — по ШХМ, по РШ, по МШ. Включиться можно в один, в два или во все три, но рапорты о выполнении заданий обязательно присылать раздельно.

2. Сначала отборочные состязания («Костер» №№ 1—7). В них будет дано 14 задач по 5 очков за каждую. А затем — финал, куда попадут набравшие 40 очков.

3. Диплом, приз, разряд — все это можно завоевать в финале (№№ 8—10). Об условиях финала прочитаешь в августе.

4. Как записаться? Бери бумагу (а лучше — почтовую карточку), пиши: «Прошу принять меня...» и т. д. Эту заявку отправь в «Костер» — 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК.

5. Нужно ли ждать ответа? Не нужно: приняты будут все! Поэтому: пошлешь заявку — сразу вступай в борьбу за победу в Чемпионате.

Шахмат-адмирал Ферзьбери желает тебе успеха!

ЧЕМПИОНАТ-85

Итак, доблестные разведчики АРЧЕБЕКА, вас ждут боевые задания первого тура.

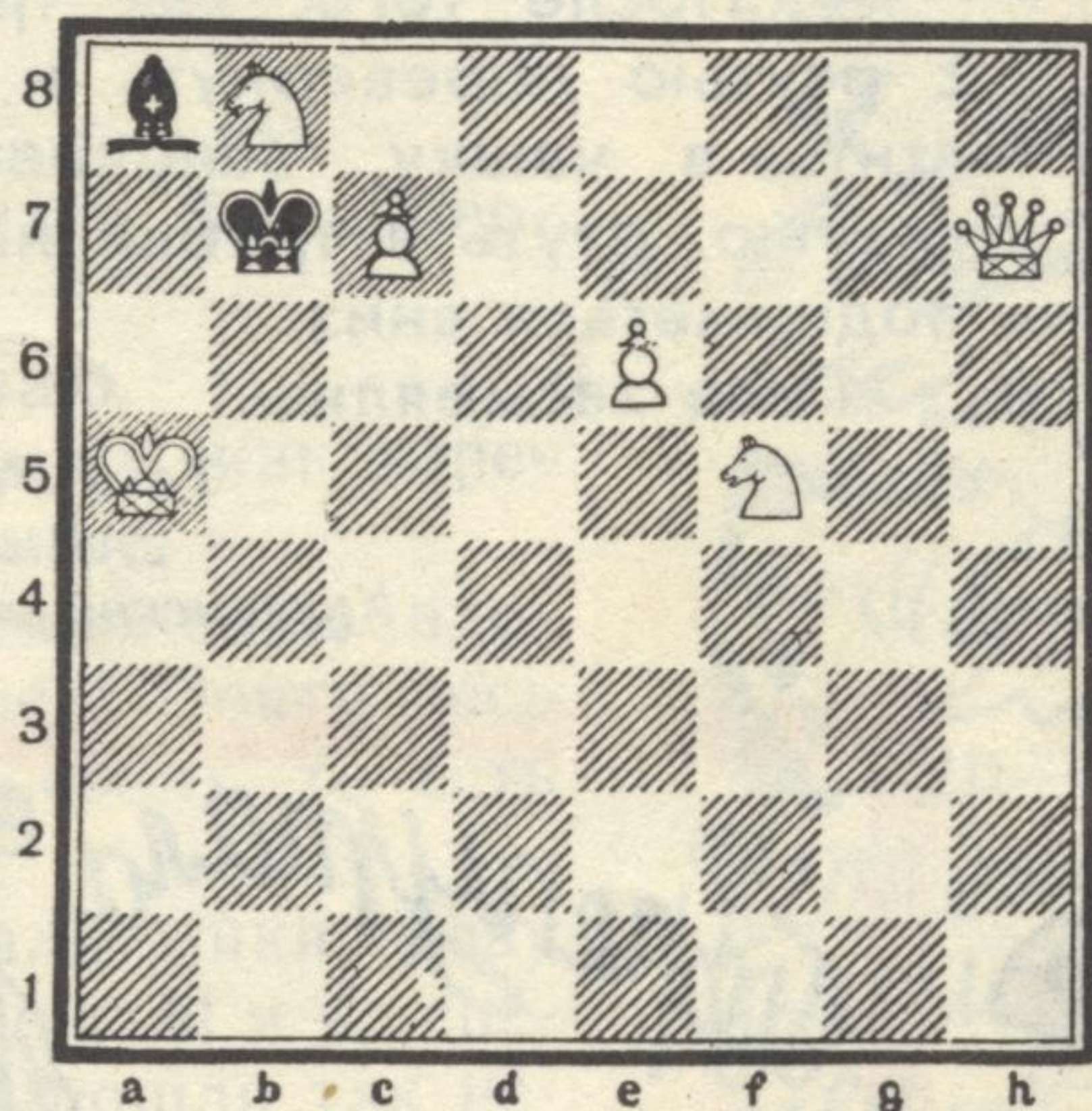
ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крс2, Лб2; черные: Кра1, Кс1.

Б. Белые: Кре2, Фе1, Ле3, п. е7; черные: Кре8, пп. d7, f7.

Цель разведки: и в А и в Б объявить черным мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: задание «объявить мат в 2 хода» означает, что нужно за белых найти и сделать такой ход, который обеспечит черным мат при любом их ответе. Вот пример.

В этой задаче ее автор, бывший арчебековец Александр Гришин (с. Ермоловка), предлагает объявить мат в два хода. Как же можно это выполнить? Какой нужно сделать первый ход? По размышлении тебе покажется, что после 1. Каб никакой ответ черных не спасет их от мата. Проверь это! На 1... Крс8 последует мат ходом (каким? Найди!); на 1... Кра7 последует мат ходом (каким? Найди!); на 1... Крс6 последует мат ходом (каким? Найди!)

Таким образом, проверка установила, что ход 1. Каб! действительно ведет к решению задачи. И ты можешь писать это в своем рапорте.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: а3, б2, с1, г5, h6; черные: а5, с5, d4, е5, е7.

Б. Белые: с1, е1, г1, г3; черные: с3, с5, с7, е3, h4.

Цель разведки: и в А и в Б выявить и показать, как белые могут одержать быструю победу.

Разъяснение обстановки: чтобы выполнить задание, ты должен провести за белых комбинацию (кто не знает, что такое шашечная комбинация, может спросить об этом в отдельном письме у шахмат-адмирала Ферзьбери).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 23, 32, 36, 39, 43, 48; черные: 2, 9, 14, 20, 26, 30.

Б. Белые: 23, 29, 38, 39, 42, 44; черные: 11, 14, 19, 21, 22, 35.

Цель разведки: и в А и в Б найти пути к победе белых.

Разъяснение обстановки. В МШ запись ходов цифровая. Каждому темному полю присвоен номер от 1 до 50, счет идет от верхнего левого поля (1) — т. е. оттуда, где стоят черные — к нижнему правому (50) — т. е. туда, где стоят белые. В МШ действуют три правила, которые отличаются от правил в РШ. Они будут напечатаны позже. В сегодняшних заданиях эти правила применения не находят.

КИОСК

„МГНОВЕННАЯ СПРАВКА“

— Как разведчик узнает, верен ли его рапорт?

— Через «Бюро самопроверки» (начнет работать в № 3). Письмом шахмат-адмирал будет отвечать только тем, кому, судя по рапорту, требуется немедленная помощь.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Эта рубрика для тех, кто еще не умеет играть. Ты должен:

А. Узнать, как называются фигуры и как они ходят.

Б. Узнать, что такое шах, мат, пат.

В. Придумать, нарисовать и приклеить позиции — с шахом; с матом; с патом.

Сделав это, ты получишь 5 очков.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-ом, приказываю:

§ 1. Рапорт о выполнении заданий писать на открытках или почтовых карточках.

§ 2. Выбрать для себя пароль (слово или фразу) и указывать его и номер тура в левом верхнем углу рапорта.

§ 3. Отправить рапорт № 1 до 15 марта.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

ТРЕНИРОВКА

Толчок, прыжок, недолгий полет над планкой. Ура! — высота взята. Тут Лена Давыдова, спортсменка из Алма-Аты, улыбнулась, а фотограф нажал на спуск камеры. Один короткий миг финальных соревнований «Кузнечика», который принес ей звание чемпионки. Миг, который Лена Давыдова будет помнить долго.

Фото В. Терешкина

НЕДЕЛЬНЫЙ ПЛАН ТРЕНИРОВОК В ЗИМНИЙ ПЕРИОД НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ

1 занятие:

1. Легкий разминочный бег, 10—15 минут.
2. Общеразвивающие упражнения для подготовки мышц к занятиям, 8—12 упражнений.
3. Упражнения на гибкость, 6—8 упражнений, каждое повторить 8—10 раз.
4. Беговые и прыжковые упражнения:
бег с высоким подниманием бедра, 2—3 раза по 30—40 метров,
бег с забрасыванием голени назад, 2—3 раза по 30—40 метров,
прыжки с ноги на ногу на стопе, 2 раза по 30 метров, ноги в коленях старайтесь не сгибать,
прыжки на одной ноге, левой или правой, 2 раза по 20 метров,
бег толчками, 2—4 раза по 30—50 метров, ускорения, 6—8 раз по 60—80 метров, 6—8 упражнений для развития силы, в них надо включить: подтягивание, отжимания, наклоны, приседания, выпрыгивания.

2 занятие:

1. Легкий разминочный бег, 10—15 минут.
2. Общеразвивающие упражнения и упражнения на гибкость, 10—14 упражнений.
3. Ускорения, 5—6 раз по 50—60 метров.
4. Броски тяжелых предметов на дальность двумя руками из разных положений. Для этого необходимо иметь: камень, набивной мяч или гантели. Сделать по 6—8 бросков в каждом упражнении.
5. 5—6 пробежек по 200—250 метров.

3 занятие:

Кросс, 25—30 минут или игра.

4 занятие:

1. Легкий разминочный бег, 10—15 минут.
2. Прыжковая работа: многоскоки, прыжки на одной, двух ногах по глубокому снегу, прыжки по ступенькам, со скакалкой, выпрыгивания из глубокого приседа, 5—20 минут.
3. Бег в гору, 8—12 раз по 60—80 метров или по снегу 8—10 раз по 40—60 метров.

5 занятие:

Часовая прогулка на лыжах или спортивные игры.

Занятия можно проводить по усмотрению спортсмена в любые дни недели, не нарушая очередности тренировок.

Недельный план подготовил старший тренер СК «Кузнечик» мастер спорта Иван Ильич ГРЕБЕНЩИКОВ

Внимание! Маша-искусница объявляет конкурс на лучший карнавальный или театральный костюм. Участникам предлагается выполнить эскиз костюма. Жюри будет отмечать не только выдумку, но и исполнение рисунка (не рисуйте на тетрадных листах простым карандашом или авторучкой, выполните работу красками, аккуратно).

Если в костюме есть детали, которые требуют объяснения, — опишите их. Не забудьте сообщить название костюма. Ждем ваших эскизов до июля. На конверте пишите: «На конкурс Маши-искусницы». Лучшие работы будут отмечены грамотами и подарками и помещены в декабрьском номере журнала.

А теперь слово Маше. Она показывает костюм, который придумала сама. Он называется — «Фантазия».

— Карнавал — это музыка, веселье, шутки, и мне захотелось, чтобы костюм мой был и смешной, и причудливый, и элегантный. Здесь все перемешано. Тельняшка и сапог напомнят вам о пирате, чулки — об арлекине, шляпа — о мушкетере, косичка — о девчонке, парик и туфля с бантом — о даме. А точнее: веселая неразбериха напомнит каждому свое.

Долго ли я готовила костюм? Фантазировала, подбирала детали, прикидывала долго и с удовольствием. А сшила только юбку из старых платьев да парик сделала. На рисунке вы увидите, как он сделан. Планки парика из ткани, «волосы» — бумажные (но их можно сделать из другого подходящего материала). Все остальные вещи я нашла в бабушкином сундуке и в мамином шкафу.

Если вы захотите сделать такой костюм, то поищите с мамой хранящиеся дома старые вещи. Ваша «Фантазия» не будет похожа на мою, потому что ее определяют вещи, которые удастся отыскать. Вы соберете целое из деталей, а если их не хватит — придумаете и доделаете. Обращайте внимание на старые шляпы, шали, платки, перчатки, жабо и воротники, бусы, искусственные цветы, веера, зонтики. Оригинальные цветные гольфы или гетры можно сделать из рукавов старой шерстяной кофты.

Рисунки Т. Петуховой

С ПОЛКИ АРХИВАРИУСА

Химик Бунзен принимал зачет у студентов.

— Что-то я не видел вас ни разу на моих лекциях! — сказал он одному юноше.

— Я сидел за колонной, профессор, — вежливо ответил тот.

Эту отговорку использовали многие.

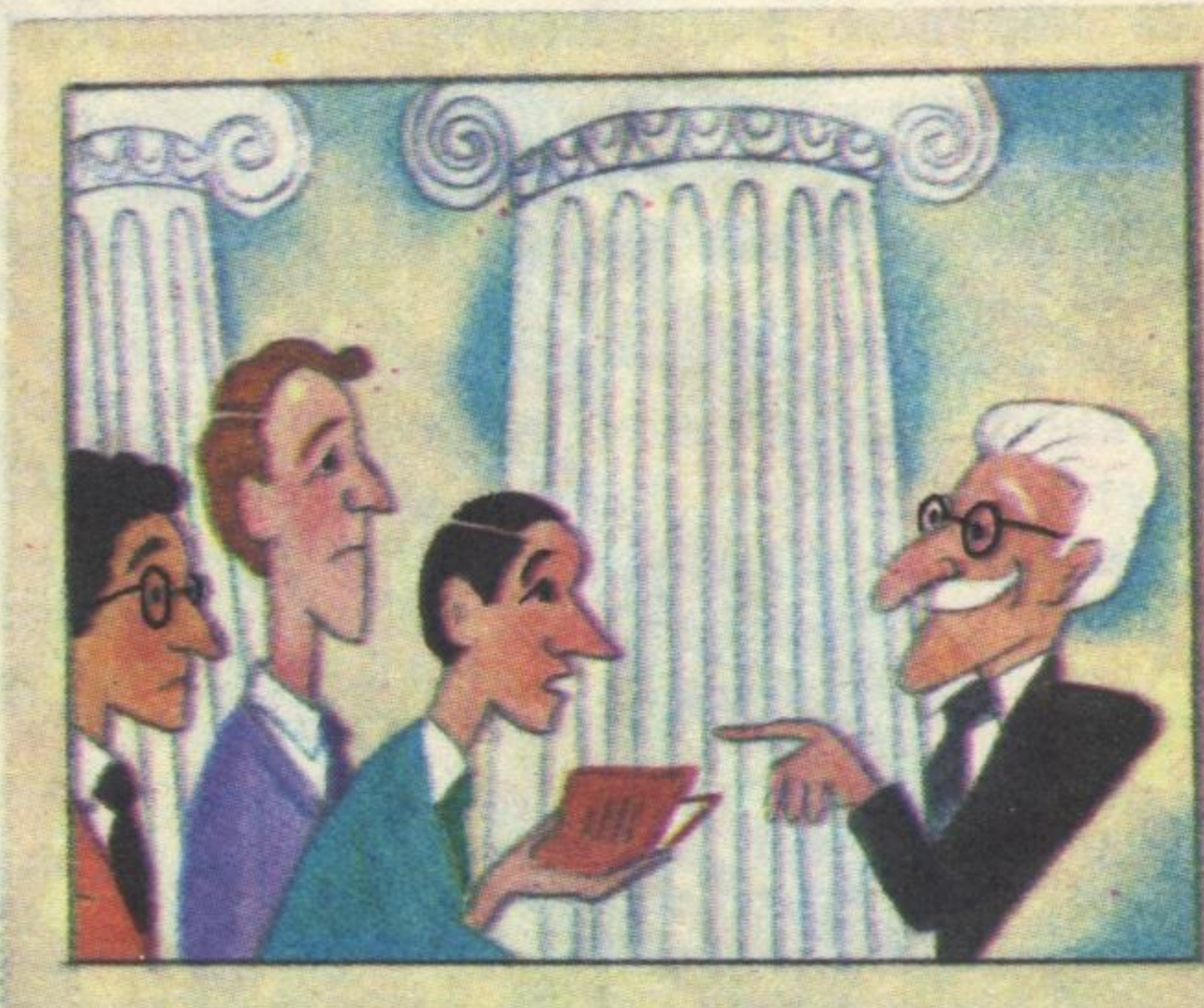
— Не понимаю, как за колонной могло поместиться столько народу! — удивлялся Бунзен.

Профессор Лесгафт учил студентов работать с микроскопом. Юноше, который неверно приготовил препарат, он сказал:

— А вы, молодой человек, сможете разглядеть только собственную неаккуратность, увеличенную в 1000 раз.

Самый удивительный суд состоялся в штате Колорадо (США). Судили собаку по имени Вилли-бой. Пес обвинялся

в бродяжничестве (сменил за два года восемь хозяев) и грабеже (залезал в продуктовую лавку). Судья сказал, что он не может вынести смертный приговор, так как ущерб невелик, и приговорил Вилли-боя к тюремному заключению.

Рисунки Ю. Беломлинской

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

КОНКУРС! КОНКУРС! КОНКУРС!

Начинаем конкурс Клуба «За семью печатями»-85!
 Для тех, кто не участвовал в нашем прошлогоднем конкурсе, повторяем условия: цифра, стоящая после задания, это — количество очков, которое вы можете набрать, решив его. Срок присылки ответов — две недели со дня получения номера журнала.
 Победителей ждут подарки. Приславшие самые интересные и подробные ответы будут награждены специальными призами.
 Итак, конкурс!

Оформление А. Януса

ПРАВ ЛИ АВТОР ЭТОЙ ЗАПИСИ?

«В глубокой шахте любой груз, вследствие того что он находится на меньшем расстоянии от центра Земли, весит больше, чем на поверхности». Если не прав, то почему? (10 очков).

ЗАГАДОЧНОЕ ЧИСЛО

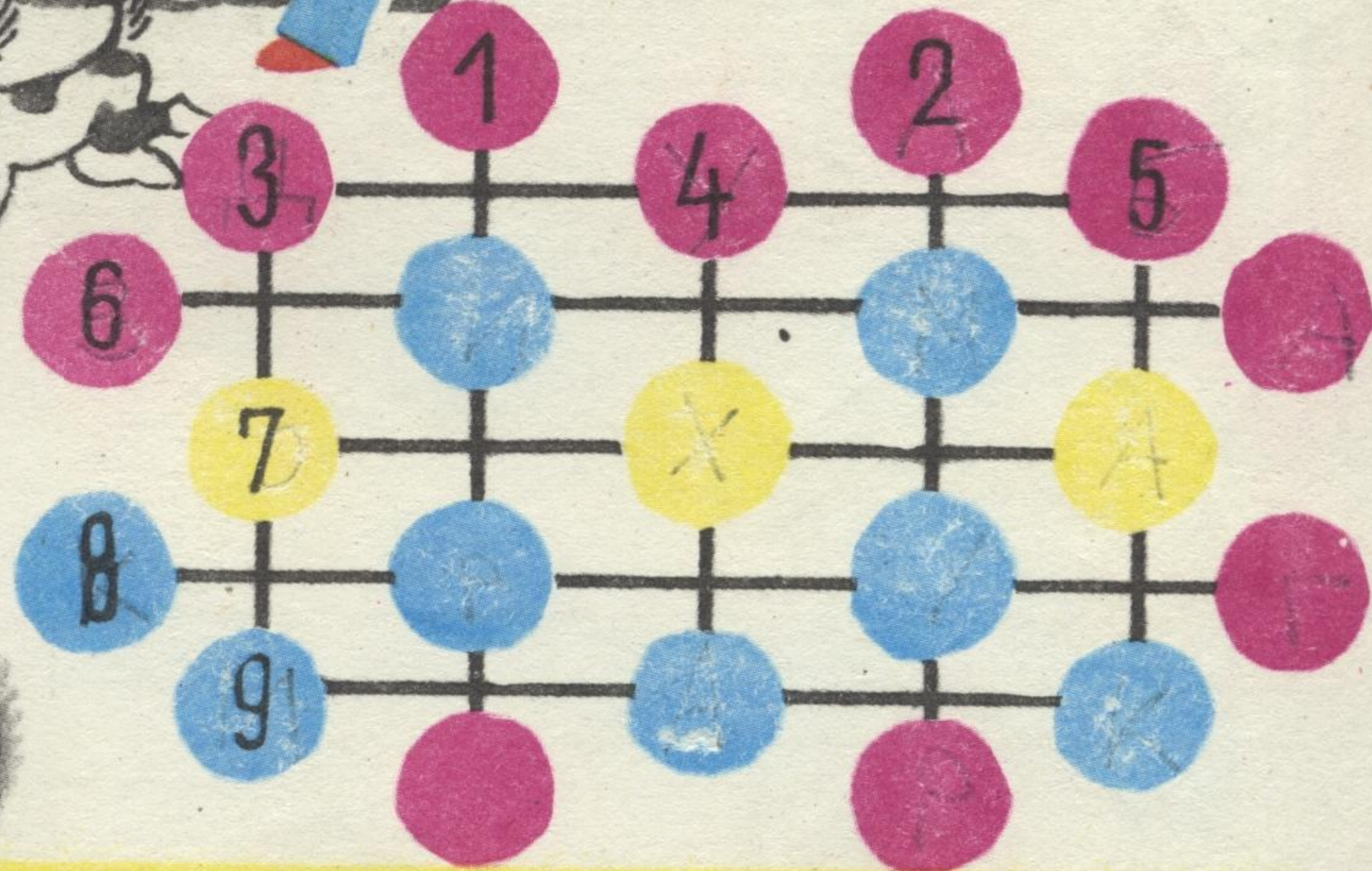
Если от трехзначного числа отнять 7, то оно разделится на 7, если отнять от него 8, то оно разделится на 8, если отнять от него 9, то оно разделится на 9. Какое это число? (8 очков).

КРОССВОРД

Попробуйте разгадать кроссворд такой необычной формы. Если удастся, получите 5 очков.

По горизонтали: 3. Крупное листовое дерево с крепкой древесиной. 6. Время года. 7. Город в северной части острова Сахалин. 8. Часть плоскости, ограниченная окружностью. 9. Цветок.

По вертикали: 1. Южный вечнозеленый кустарник с белыми душистыми цветками. 2. Река, впадающая в Татарский пролив. 3. Жилое здание. 4. Суп из свежей рыбы. 5. Большой сосуд для жидкостей.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 12, 1984 г.

Путники и чемодан. 4 раза.
 Сколько слов? Ар, арка, склад, клад, кладь, лад, ладья, дьяк, як, крот, рот, рота, отара, тара, ара, араб, бар, барк, барка, баркас.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-26172. Сдано в набор 05.10.84. Подписано к печати 17.12.84. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,9. Печать офсетная. Тираж 965 000 экз. Заказ 3228. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

